

Великие святые: Матрона Московская, Ксения Петербургская, Серафим Саровский, Сергей Радонежский

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=453775*

*Великие святые: Матрона Московская, Ксения Петербургская, Серафим Саровский, Сергей
Радонежский: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-43775-7*

Аннотация

В этой книге собраны классические жизнеописания высокочтимых православных святых, принадлежащие перу великих русских писателей: В. Ключевского, Е. Поселянина, иеромонаха Никона (Рождественского), священника Димитрия Булгаковского. В оформлении книги использованы иконы из частных коллекций, недоступные широкой публике, а также произведения современных авторов.

Содержание

От автора-составителя	4
Сергий Радонежский	5
Предисловие	6
Глава I	12
Глава II	21
Глава III	31
Глава IV	39
Глава V	46
Глава VI	52
Глава VII	59
Глава VIII	65
Глава IX	72
Глава X	80
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Великие святые: Матрона Московская, Ксения Петербургская, Серафим Саровский, Сергей Радонежский

В данной книге использованы произведения Василия Ключевского, Евгения Поселянина, иеромонаха Никона (Рождественского), священника Димитрия Булгаковского.

От автора-составителя

Святые – реально существовавшие земные люди, в награду за вынесенные ими тяготы и лишения в земной жизни, за безупречное служение Господу на земле, ставшие телесными носителями качеств, присущих иному миру, свидетельствуя о действенности Божественного начала в мире.

Мы обращаемся в молитве к святым, потому что они прошли тем путем, по которому мы только пытаемся идти. И опыт многих христиан свидетельствует: святые слышат молитвы и отвечают на них.

«Якоже ароматы, – говорил святитель Платон, митрополит Московский, – чем более растираются руками, тем больше издают благоухания, тако и жития святых, чем более углубляем мы в них свое размышление, тем более открывается святость и слава праведников, а наша польза».

Почитание святых – важная составная часть православного вероучения. Традиция почитания святых зародилась в первые годы существования Церкви. Христианские храмы начинали строиться на местах захоронения святых мучеников, и именно благодаря их подвигу распространялось христианство. Святые мученики примером собственной жизни и смерти доказали, что подвиг Иисуса Христа может быть повторен человеком, который также жертвует собой ради служения Богу и людям. Вступая после кончины в Небесную Церковь, святой становится молитвенником и покровителем христиан, прибегающих к его помощи. Народное, стихийно складывающееся почитание, как правило, предшествует признанию официальной церковью и может продолжаться не один десяток лет до канонизации. После канонизации святые прославляются через написание икон, создание житий, церковных служб и молитвословий. Основанием для церковной канонизации являются жизненный путь и подвиг святого, чудеса, совершенные им при жизни или после смерти, и в некоторых случаях нетление мощей.

В настоящее издание включены жития – описания земной жизни и примеры чудесной помощи высокочтимых русских святых, канонизированных в разные исторические эпохи: **Сергия Радонежского** (1447 г.), **Ксении Петербургской** (1988 г.), **Серафима Саровского** (1903 г.) и **Матроны Московской** (1999 г.).

Е. Владимирова

Сергий Радонежский

Дни памяти: 5 июля, 7 июля, 25 сентября¹

***Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего
Сергия игумена Радонежского и всея Руси чудотворца***

***составлено иеромонахом Никоном (Рождественским),
впоследствии архиепископом Вологодским и Тотемским***

¹ Здесь и далее все даты приводятся по Юлианскому календарю, как это принято в традиции Православной Церкви.

Предисловие

Аще мужа свята житие списано будет, то от того польза велика есть и утешение вкупе, и писателем, и сказателем, и послушателем.

Епифаний Премудрый

Буди ревнитель право живущим, и сих житие и деяние пиши на сердце своем.

Св. Василий Великий

Слава Богу о всем и всяческих ради! Слава показавшему нам житие мужа свята и старца духовна, – благодарим Бога за премногую Его благодать, бывшую на нас, яко дарова нам свята старца, господина Преподобного Сергия, в земли нашей Рустей, в стране полунощней». Так начинает свое сказание о житии и подвигах Преподобного отца нашего Сергия его присный ученик – блаженный Епифаний. «Дивлюся же, – говорит он, – како толико лет минуло, а житие святаго старца не писано было; и о сем сжалихся зело, како убо таковой святой старец пречудный и предобрый, отнележе преставися 26 лет преиде, и никто не дерзняхше писати о нем, ни дальний, ни ближний, ни больший, ни меньший».

Преподобный Епифаний

Сии слова Премудрого Епифания еще с большим правом можем повторить мы, с той лишь разницей, что со дня кончины Преподобного Сергея до нашего времени протекло не двадцать шесть, а уже пятьсот лет, и до сих пор мы не имеем на современном русском языке полного жизнеописания великого старца не только в смысле самостоятельного исторического исследования о его жизни и подвигах, о его значении в истории Русской Церкви, русского подвижничества, русского просвещения и вообще нравственного воспитания рус-

ского народа, но даже и простого полного перевода жития, написанного Епифанием. Правда, существует более десятка разных житий Преподобного Сергия, и лучшее из них, конечно, то, которое составлено святителем Московским Филаретом. Но это житие предназначено было для чтения при богослужении и читано самим в Бозе почившим иерархом в лавре на всенощном бдении 5 июля 1822 года. По своим достоинствам внутренним это житие – слиток золота, но, как предназначенное для церковного чтения, оно по необходимости отличается краткостью и опускает многие подробности, драгоценные для благоговейных почитателей памяти великого угодника Божия. Следует еще упомянуть о двух житиях Преподобного Сергия, помещенных в сочинениях «Русские Святые», – преосвященного Филарета, архиепископа Черниговского, и «Жития Святых Российской Церкви» А. Н. Муравьева, но ни то ни другое также не имеют желанной полноты, потому что составители этих житий, описывая жития всех русских святых, по необходимости старались быть краткими в изложении. Из отдельных изданий следует упомянуть только одно, вышедшее к 500-летию преставления Преподобного Сергия, – «Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра» Е. Голубинского; автор предлагает в этой книге, как сам он говорит, «повествование о Преподобном, с одной стороны, краткое, а с другой стороны – полное, без опущений воспроизводящее все частности его жизни как естественного, так и сверхъестественного характера». Но и эта книга не может вполне удовлетворить благоговейного читателя памяти великого угодника Божия, довольно сказать о ней одно уже то, что ради «краткости» автор ее не имеет в виду дать в ней назидательное чтение, а предлагает лишь сжатое изложение фактов, собранных им из всех исторических источников и изложенных в форме жизнеописания. Притом и это жизнеописание издано нераздельно с путеводителем по лавре и составляет как бы введение к этому путеводителю. На других отдельных изданиях, вроде сочинения господина Лаврентьева, не считаем нужным останавливаться, так как они представляют плохие переделки из Епифания или же просто заимствования из вышеупомянутых авторов.

Предлагая благочестивым читателям свое описание «Жития и подвигов Преподобного и Богоносного отца нашего Сергия», потрудившийся в его составлении считает долгом сказать, что он вовсе не имел в виду писать ученое исследование о жизни угодника Божия; он задался более скромной целью – собрать в одну книгу все, что можно было найти в исторической и проповеднической литературе о Преподобном Сергии, и соединить в одно целое не только все дошедшие до нас подробности из его жизни, но и те нравственные уроки, какие извлекали из сказания о его жизни наши проповедники. Для настоящего, пятого издания вновь пересмотрено по возможности все, что вышло в 1891–1893 годах по случаю 500-летия преставления угодника Божия, и, таким образом, многое в тексте пополнено и исправлено. Побуждением к этому труду служило то же, что побудило и преподобного Епифания в свое время взяться за перо, – это отсутствие в наличной духовной литературе полного жития Преподобного Сергия. Подумать только – кто был Преподобный Сергей для нашей Русской Церкви, для Русского государства, для русского народа! Святая Церковь прекрасно характеризует его, называя столпом Церкви. Он не только сам был крепким столпом Церкви Христовой, но, по выражению одного из наших архипастырей, Херсонского архиепископа Никанора, «уподобил и продолжает уподоблять своей духовной природе и всех близко соприкасающихся к нему людей. Он напитал своим крепким духом целые сонмы, целые поколения монашествующих». До 70 монастырей было основано его учениками и учениками его учеников; его духовное потомство было одною из главных духовных сил, содействовавших духовному претворению разных полуязыческих племен, раскинутых по пространству северной и средней России, в одно целое Великорусское племя, объединенное, одушевленное, скрепленное духом православия. Будучи сам высшим носителем христианского православного духа, «он примером, назиданием, молитвами своими много содействовал и содействует питанию этим духом всего православного русского народа, –

духом, который составляет руководительное начало, крепость и славу народной русской жизни. Потому-то к Преподобному Сергию, как к неиссякающему роднику крепкого русского духа, притекают на поклонение, для назидания, для молитвы и до сего дня премногие тысячи народа. Ни один вблизи путешествующий инок не минет обители Преподобного Сергия. Редкий из иерархов Русской Церкви не припадал до праха земного перед ракой Преподобного Сергия. Все до единого из Венценосцев России приносили у раки Преподобного свои молитвы (особенно по вступлении на царство). Не только члены нашего Царствующего Дома, но и премногие члены иностранных царственных семейств приходили туда же – то молиться, то изучать русскую жизнь у самых ее основ, у того родника, у одного из главных родников, из которого она бьет ключом».

Да, наши летописцы имели полное основание именовать Преподобного Сергия Игуменом всея Руси, и святая Церковь достойно и праведно величает его возбранным воеводою Русской земли!

«Если бы возможно было, – говорит известный наш историк В. О. Ключевский, – воспроизвести писанием все, что соединилось с памятью Преподобного Сергия, что в эти пятьсот лет было молчаливо передумано и пережито перед его гробом миллионами умов и сердец, это писание было бы полной глубокой историей нашей всенародной политической и нравственной жизни. . . Да и каждый из нас в своей собственной душе найдет то же общее чувство, стоя у гробницы Преподобного. У этого чувства уже нет истории, как для того, кто покоится в этой гробнице, давно остановилось движение времени. Это чувство вот уже пять столетий одинаково загорается в душе молящегося у этой гробницы, как солнечный луч в продолжение тысячелетий одинаково светится в чистой капле воды. Спросите любого из этих простых людей, с посохом и котомкой пришедших сюда издалека: когда жил Преподобный Сергей и что сделал для Руси XIV века, чем он был для своего времени, – и редкий из них даст вам удовлетворительный ответ, но на вопрос: что он есть для них, далеких потомков людей XIV века, и зачем они теперь пришли к нему, каждый ответит твердо и вразумительно».

Так характеризуют великое духовное значение Преподобного Сергия, с одной стороны, один из наших знаменитых духовных витий, с другой – один из глубоких знатоков нашей родной истории.

В другом своем слове, обращаясь к житию Преподобного отца нашего Сергия, архиепископ Никанор справедливо говорит, что это житие «переносит нас в новый для нас, хотя и стародавний мир, мир других людей – святых людей, других воззрений – святых воззрений, других обычаев – святых обычаев, в мир отречения от мира и себя, в мир святых великих подвигов, в мир вольного неуклонного несения креста Христова. . . Чувствуешь в душе разноречие гармонии этого мира с дисгармонией нашего внутреннего и внешнего мира, и, с одной стороны, мирно настроивается сердце умилением, – так вот взял бы крылья, яко голубине, и полетел бы туда, в пустыню, за пятьсот лет назад, – а с другой – надывается сердце, что поневоле приходится жить многмятежною жизнью своего века». Справедливо говорит преподобный Иоанн Лествичник: «Как убогие, видя царские сокровища, еще более познают нищету свою, так и душа, читая повествования о великих добродетелях святых отцев, делается более смиренною в мыслях своих».

Так благотворно действуют на душу описания подвигов таких великих угодников Божиих, каким был Преподобный отец наш Сергей. «Якоже ароматы, – говорит святитель Платон, митрополит Московский, – чем более растираются руками, тем больше издают благоухания: тако и жития святых, чем более углубляем мы в них свое размышление, тем более открывается святость и слава праведников, а наша польза». Но это сравнение еще недостаточно сильно: ароматы со временем все же утрачивают силу своего благоухания, а жития святых – никогда. Это неистощимые очаги благодатного огня, от которых каждый может

возжигать в самом себе такой же огонь ревности Божественной, и сколько бы таких огней ни зажигали от них, сами они никогда не умалются...

От жизнеописателя обыкновенно требуют, чтобы он не только знакомил читателя со всеми ему известными событиями из жизни описуемого лица, но и рисовал пред ним живую личность, вводил во внутренний духовный мир этого лица, давал читателю возможность при чтении жизнеописания пожить вместе с тем лицом, с кем его знакомят, полюбоваться его достоинствами, подышать, так сказать, воздухом той эпохи, в которую жило и действовало это лицо. Справедливость требует сказать, что при жизнеописании святого лица выполнить эти требования можно только отчасти. В Бозе почивший Московский святитель Филарет по сему случаю однажды выразился так: «Ненадежно для нас догадками проникнуть в души святых, которые далеко выше нашего созерцания. Надежнее следовать простым сказаниям очевидцев и близких к ним». И действительно, описывая жизнь обыкновенного смертного, писатель может больше полагаться на свой духовный опыт; описывая жизнь подвижника, он должен быть сам подвижник...

Увы, сего-то столь существенного условия для написания полного жития Преподобного отца нашего Сергея потрудившийся в составлении сей книги и не имеет! Глубоко сознавая свою нищету духовную, он и не помыслил бы взять на себя такой непосильный труд, если бы не имел перед собой труда первого жизнеописателя Сергея, его ближайшего ученика – преподобного Епифания. Этот ученик потщился, елико было ему дано, в себе самом воплотить добродетели своего великого наставника, опытно проходил под его руководством жизнь духовно-подвижническую и потому в состоянии был лучше, чем кто-либо иной, списать жизнь своего святого старца в назидание наше... Но и он сознавал всю трудность такого дела, и он говорил: «Якоже не мощно есть малей лодии велико и тяжко бремя налагаемое понести, сице и превосходит нашу немощь и ум подлежащая беседа... Подобаше ми отнюдь со страхом удобь молчати и на устех своих перст положить, сведущу свою немощь... Яко выше силы моя дело бысть, яко немощен есмь, и груб, и неразумичен». Одно, что заставило его взяться за труд, – это горячая любовь к почившему старцу: «Любовь и молитва Преподобного того старца привлечит и томит мой помысл, и принуждает глаголати же и писати». Он скорбит об одном: как бы не пришло в совершенное забвение житие такого великого старца, как бы чрез это забвение не потеряна была навсегда духовная польза читателей... «Аще убо аз не пишу, а ин никтоже не пишет, боюся и осуждения притчи онаго раба лениваго, скрывшаго талант и обленившагося».

С такими мыслями приступал к своему труду первый благоговейный «списатель» жития Сергиева. Нужно ли говорить, с какими чувствами должен приступать к сему делу недостойный писатель нашего грешного времени? И он должен сознаться, что не без долгих колебаний решился на свой труд, призывая на помощь молитвы Преподобного старца и его присного ученика Епифания Премудрого... А когда для полноты изображения личности угодника Божия приходилось говорить о внутренних духовных состояниях, он брал черты из писаний Богомудрых отцев-подвижников, изобразивших эти состояния на основании собственного опыта в своих писаниях...

Последуем же, благочестивый читатель, шаг за шагом вослед блаженного Епифания; будем благоговейно внимать его простому, задушевно-теплому, сердечному повествованию; прислушаемся и к тем урокам, какие извлекают из его рассказа наши святители Платон и Филарет, митрополиты Московские, Филарет, архиепископ Черниговский, Никанор, архиепископ Херсонский, и другие проповедники и благочестивые писатели... И если эта книга даст вам возможность хотя немного отдохнуть душою за ее чтением, хотя на несколько минут забыть окружающую вас суету земную, перенестись мыслью и сердцем в отдаленную по времени, но тем более близкую нашему сердцу родную древность, повитать со святыми и преподобными обитателями дремучих лесов Радонежских, подышать благоуханием молитв

Сергиевых, насладиться созерцанием его Боголюбезного смирения, тогда мы почтем себя счастливыми и воздадим славу Господу. А если книга наша не удовлетворит любознательности вашей, если составитель ее чего недописал, или переписал, или в чем погрешил, то смиренно просит в том прощения и с глубокою благодарностию примет всякое доброе замечание и указание погрешностей на случай нового издания.

*Марта 12 дня, 1885—1891—1898—1904 Архимандрит Никон, лавра
Преподобного Сергия*

Глава I Сын радости

Радуйся, от чрева матерня освященный. Радуйся, в рождении твоём сыном радости нареченный.

Акаф. 2. Ик. 1

Радуйся, яко прежде рождения проглашением прославивый Святую Троицу.

Ик. Минеи

Радуйся, пречудное в младенчестве постничество нам являяй.

Акаф. 1. Ик. 3

**Родина Богоносного Сергия. Его родители. Их семейство.
Чудное предзнаменование. Размышления блаженного
Епифания. Молитвы святой матери. Урок родителям.
Рождение благословенного дитяти. Младенец-постник**

(1319–1326)

Верстах в четырех от славного в древности, но смиренного ныне Ростова Великого на ровной открытой местности по пути в Ярославль уединенно расположилась небольшая обитель во имя Пресвятой Троицы – это заштатный Варницкий монастырь. По древнему преданию, почти шестьсот лет тому назад тут была некая весь, имя которой забылось в истории, но которая всегда была и будет именита и дорога сердцу православных русских людей, потому что весь эта была благословенной родиной великого печальника и заступника русской земли – Преподобного и Богоносного отца нашего Сергия, Игумена Радонежского и всея России Чудотворца. Здесь было поместье его родителей, благородных и знатных бояр Ростовских Кирилла и Марии, тут был их дом; тут и жили они, предпочитая уединение сельской природы суете городской жизни при княжеском дворе. Впрочем, Кирилл состоял на службе сначала у Ростовского князя Константина II Борисовича, а потом у Константина III Васильевича; он не раз сопровождал их в орду, как один из самых близких к ним людей; владел достаточным по своему положению состоянием, но по простоте тогдашних нравов, живя в деревне, он не пренебрегал и обычными сельскими трудами; мы увидим потом, что Кирилл посылал, например, своего малолетнего сына за конями так же, как и теперь посылают своих малюток простые поселяне.

Вид Ростовского Троицкого Варницкого монастыря

Кирилл и Мария были люди добрые и богоугодные. Говоря о них, блаженный Епифаний замечает, что Господь, благоволивший воссиять в земле русской великому светильнику, не попустил родиться ему от неправедных родителей, ибо такому детищу, которое, по устроению Божию, должно было впоследствии послужить духовной пользе и спасению многих, подобало иметь и родителей святых, дабы доброе произошло от доброго и лучшее приложилось к лучшему, дабы взаимно умножилась похвала и рожденного, и самих родивших во славу Божию. И праведность их была известна не одному Богу, но и людям. Строгие блюстители всех уставов церковных, они помогали и бедным, но особенно свято хранили они заповедь Апостола: *«Страннолюбия не забывайте, тем бо не ведяще неции странноприимша ангелы»* (Евр 13:2). Тому же учили они и детей своих, строго внушая им не опускать случая позвать к себе в дом путешествующего инока или иного усталого странника. До нас не дошло подробных сведений о благочестивой жизни сей блаженной четы, зато мы можем вместе с святителем Платоном сказать, что «самый происшедший от них плод показал доброту благословенного древа. Счастливы родители, коих имена прославляются вечно в их детях и потомстве! Счастливы и дети, которые не только не посрамили, но и приумножили и возвеличили честь и благородство своих родителей и славных предков, ибо истинное благородство состоит в добродетели!»

Милосердие родителей Преподобного Сергия и их молитва

Кирилл и Мария имели уже сына Стефана, когда Бог даровал им другого сына – будущего основателя Троицкой лавры, красу Церкви Православной и несокрушимую опору родной земли. Задолго до рождения сего святого младенца дивный Промысл Божий уже дал о нем знамение, что это будет великий избранник Божий и святая отрасль благословенного корня. В один воскресный день его благочестивая мать пришла в церковь к Божественной литургии и смиренно стала, по тогдашнему обычаю, в притворе церковном вместе с прочими женами. Началась литургия, пропели уже Трисвятую песнь, и вот незадолго пред чтением Святого Евангелия вдруг среди общей тишины и благоговейного молчания младенец вскрикнул у нее во чреве, так что многие обратили внимание на этот крик. Когда начали петь Херувимскую песнь, младенец вскрикнул в другой раз, и притом уже столь громко, что голос его был слышен по всей церкви. Понятно, что мать его испугалась, а стоявшие близ нее женщины стали между собой переговариваться: что бы мог означать этот необыкновенный крик младенца? Между тем литургия продолжалась. Священник возгласил: «Вонмем! Святая святым!» – младенец вскрикнул в третий раз, и смущенная мать едва не упала от страха, она начала плакать... Тут ее окружили женщины и, может быть желая помочь ей

успокоить плачущее дитя, стали спрашивать: «Где же у тебя младенец? Отчего он кричит так громко?» Но Мария, в душевном волнении, обливаясь слезами, едва могла вымолвить им: «Нет у меня младенца, спросите еще у кого-нибудь». Женщины стали озиаться кругом и, не видя нигде младенца, снова пристали к Марии с тем же вопросом. Тогда она принуждена была сказать им откровенно, что на руках у нее действительно нет младенца, но она носит его во чреве. «Как же может кричать младенец, когда он еще в утробе матери?» – возражали ей удивленные женщины. «Я и сама удивляюсь этому, – отвечала им Мария, – и нахожусь в немалом недоумении и страхе».

Тогда женщины оставили ее в покое, не переставая, впрочем, удивляться этому необыкновенному случаю.

«В наше время, – говорит святитель Московский Филарет, – свидетели подобного происшествия, вероятно, имели бы немало заботы о изыскании причины, производшей сие необыкновенное явление. Проницательнейшие, может быть, осмелились бы догадываться, что молитвенный восторг благочестивой матери, в три важные периода священнодействия, сообщил необыкновенное возбуждение жизни плоду, который носила она во чреве. Но в то время любили не столько любопытные умствования, сколько благоговейное наблюдение путей Провидения, и народ выходил из церкви, повторяя написанное в Евангелии о Иоанне: *«что убо отроча сие будет?»* (Лк 1:66). Да будет над ним воля Господня!»

Благоговейный писатель жития Сергиева, преподобный Епифаний, сопровождает свое повествование о сем необыкновенном происшествии таким размышлением. «Достоин удивления, – говорит он, – что младенец, будучи во чреве матери, не вскрикнул где-либо вне церкви, в уединенном месте, где никого не было, но именно при народе, как бы для того, чтобы многие его услышали и сделались достоверными свидетелями сего обстоятельства. Замечательно еще и то, что прокричал он не как-нибудь тихо, но на всю церковь, как бы давая понять, что по всей земле распространится слава о нем; и не тогда возгласил он, когда мать его была где-нибудь на пиршестве или почивала, но когда была она в церкви, и именно во время молитвы, как бы указывая на то, что он будет крепким молитвенником пред Богом; не прокричал он в каком-либо ином месте, но именно в церкви, в месте чистом, в месте святом, где пребывают святые Господни и совершаются священнодействия, знаменуя тем, что и сам он будет совершенной святыней Господа в страхе Божием. Достоин замечания также и то обстоятельство, что не возгласил он однажды или дважды, но именно трижды, являя тем самым, что он будет истинным учеником Святой Троицы, так как троичное число предпочитается всякому другому числу, потому что везде и всегда сие число является источником и началом всего доброго и спасительного». После сего, приведя из ветхозаветной и новозаветной истории примеры и указания, свидетельствующие о важном знаменовании троичного числа, и вспомянув страшную тайну Триипостасного Божества, блаженный Епифаний продолжает: «Подобало и сему младенцу трижды провозгласить еще во чреве матери, прежде рождения на свет, в предзнаменование того, что он будет некогда служителем Святой Троицы и многих приведет к познанию Бога, научая словесных овец своих веровать во Святую Троицу, единосущную во едином Божестве. И действительно, – рассуждает далее Епифаний, – не служило ли все это явным указанием на все дивное и досточудное в последующей его жизни? Не сбылось ли все это самым делом в его чудесных деяниях? И кто видел и слышал о первых предзнаменованиях, тот должен был потом верить и тому, что последовало за ними, ибо не просто, не без особенной цели были даны эти предзнаменования – они были предвестниками и началом всего, что совершилось впоследствии. Вспомним древних святых, просиявших в Ветхом и Новом Завете: как зачатие, так и рождение многих из них предваряемо было особенным откровением от Бога; так пророка Иеремию Бог от чрева матери предызбрал и освятил; то же свидетельствует о себе другой Пророк – Исаия, а святой и великий Пророк и Предтеча Христов Иоанн, еще будучи во утробе матери,

познал Господа, носимого в ложеснах Пречистой Приснодевы Марии: *взыграся младенец во чреве* (Лк 1:41) матери своей Елисаветы и ее же устами пророчески возопил: *“И откуда мне сие, да придет Мати Господа моего ко мне?”* (Лк 1:43). О святом пророке Илие есть сказание, что родители его видели, как светлые и благообразные мужи повивали сего младенца огненными пеленами и питали его пламенем огненным...». Далее Епифаний приводит подобные же рассказы о святых Николае Чудотворце, Ефреме Сирине, Алипии и Симеоне Столпниках, Феодоре Сикеоте, Евфимии Великом, Феодоре Едесском и Петре, митрополите Московском, – рассказы, которые мы опускаем, дабы, по выражению самого блаженного Епифания, «долготою слова послушателем слухи ленивы не сотворити», и приводим здесь только заключительные его мысли. «Досточудно, – говорит он, – было это возглашение младенца во чреве матери; досточудно было его воспитание от младенческих пелен; досточудна была и вся жизнь этого поистине досточудного мужа! Господь еще до рождения отметил его Своей благодатью и необычным случаем предуказал Свое особенное Божественное о нем промышление».

Всегда преданные воле Божией и внимательные к путям Провидения, Кирилл и Мария поняли указания Промысла Божия и сообразно с этими указаниями должны были вести дело воспитания дитяти. После описанного происшествия особенно мать сделалась необыкновенно внимательна к своему состоянию. Всегда имея в мыслях, что она носит во чреве младенца, который будет избранным сосудом Святаго Духа, Мария во все остальное время беременности готовилась встретить в нем будущего подвижника благочестия и воздержания, а потому и сама, подобно матери древнего судии Израильского Сампсона (Суд 13:4), тщательно соблюдала душу и тело в чистоте и строгом воздержании во всем. «Заботливо храня носимый ею во чреве Божий дар, она желала, – как говорит святитель Платон, – чрез свое воздержание дать телесному составу дитяти чистое и здоровое питание, хорошо понимая добрым сердцем своим ту истину, что добродетель, сияющая в здоровом и прекрасном теле, становится чрез то еще прекраснее». Всегда благоговейная и усердная молитвенница, праведная мать теперь чувствовала особенную потребность сердца в молитве; поэтому она часто удалялась от людского взора и в тишине уединения со слезами изливала пред Богом свою горячую материнскую молитву о будущей судьбе своего младенца. «Господи! – говорила она тогда, – спаси и сохрани меня, убогую рабу Твою; спаси и соблюди и сего младенца, носимого во утробе моей, Ты бо еси – *храняй младенцы Господь* (Пс 114:5); да будет воля Твоя, Господи, на нас и буди имя Твое благословенно вовеки!» Так в строгом посте и частой сердечной молитве пребывала богобоязненная мать святого дитяти; так и самое дитя, благословенный плод ее чрева, еще до появления своего на свет некоторым образом уже предпочищался и освящался постом и молитвой.

Молитвы родителей Преподобного Сергия

«О родители, – замечает при повествовании о сем святитель Филарет, – если бы вы знали, сколько добра, или, напротив, сколько зла можете вы сообщить вашим детям, еще до их рождения! Вы удивились бы точности суда Божия, который благословляет детей в родителях и родителей в детях и *отдает грехи отцов на чада* (Числ 14:18); и, помышляя о сем, с благоговением проходили бы служение, вверенное вам от Того, *из Негоже всяко отечество на небесах и на земли именуется* (Еф 3:15)».

Кирилл и Мария видели на себе великую милость Божию; их благочестие требовало, чтобы одушевлявшие их чувства благодарности к благодетелю Богу были выражены в каком-либо внешнем подвиге благочестия, в каком-либо благоговейном обете; а что могло быть приятнее Господу в таких обстоятельствах, в каких они находились, как не крепкое сердечное желание и твердая решимость оказаться вполне достойными милости Божией. И вот праведная Мария, подобно святой Анне, матери пророка Самуила, вместе со своим мужем дала такое обещание: если Бог даст им сына, то посвятить его на служение Богу. Это зна-

чило, что они со своей стороны обещали сделать все, что могли, чтобы на их будущем дитяти исполнилась воля Божия, совершилось тайное о нем предопределение Божие, на которое они уже имели некоторое указание. Немного, конечно, таких родителей, да едва ли и найдутся в наше грешное время такие счастливицы, которые могли бы так решительно и притом непогрешительно определить судьбу своих детей еще до их рождения: опасно и неразумно давать обеты, исполнение коих не зависит от воли обещающих; праведные родители Сергиевы могли сделать это потому, что имели уже таинственное указание на будущую судьбу их дитяти; но кто из христианских родителей не желал бы видеть в детях своих будущих граждан Царства Небесного? А если все желают, то пусть же все и полагают в сердце своем твердый и неизменяемый обет – делать с своей стороны все, что от них зависит, чтобы их дети были истинными чадами Божиими по благодати, чтобы они были покорными сынами нашей общей матери – святой Церкви Православной, чтобы ни дети, ни родители не испытывали потом горькой участи сынов царствия, которые будут изгнаны, по слову Господню, во тьму кромешную. «Для чего человек создан от Бога?» – спросили одного простого старца. «Чтобы быть наследником царствия Божия», – отвечал он.

3 мая 1319 года в доме боярина Кирилла была общая радость и веселие: Марии Бог дал сына. Праведные родители пригласили своих родных и добрых знакомых разделить с ними радость по случаю рождения нового члена семьи, и все благодарили Бога за сию новую милость, явленную Им на доме благочестивого боярина. В сороковой день по рождении родители принесли младенца в церковь, чтобы совершить над ним святое крещение и в то же время исполнить свое обещание представить дитя в непорочную жертву Богу, Который дал его. Благоговейный иерей, по имени Михаил, нарек младенцу во святом крещении имя *Варфоломей*, конечно, потому, что в этот день (11 июня) праздновалась память святого апостола Варфоломея, ибо сего требовал тогдашний церковный обычай, но это имя и по самому значению своему – *сын радости* – было особенно утешительно для родителей сего младенца, ибо можно ли описать ту радость, которая переполняла их сердца, когда они видели перед собой начало исполнения тех светлых надежд, которые почивали на сем младенце со дня его чудесного проглашения во чреве матери? Кирилл и Мария рассказали этот случай священнику, и он, как сведущий в Священном Писании, указал им много примеров из Ветхого и Нового Заветов, когда избранники Божии еще от чрева матери были предназначаемы на служение Богу; привел им слова пророка Давида о совершенном предведении Божиим: «...несодеянная моя видесте очи Твои» (Пс 138:16) и апостола Павла: «Бог, избравый мя от чрева матери моея... явити Сына Своего во мне, да благовествую Его в языцех» (Гал 1:15–16) и другие подобные места Священного Писания и утешил их благодатной надеждой относительно их новорожденного. «Не смущайтесь, – говорил он им, – а паче радуйтесь, что сын ваш будет избранным сосудом Духа Божия и служителем Святой Троицы». И, благословив дитя и его родителей, служитель алтаря Христова отпустил их с миром.

Между тем мать, а потом и другие стали примечать в младенце опять нечто необыкновенное: когда матери случалось насыщаться мясной пищей, то младенец не брал сосцев ее; то же повторялось, и уже без всякой причины, по средам и пятницам, так что в эти дни младенец вовсе оставался без пищи. И это повторялось не раз, не два, а постоянно; мать, конечно, беспокоилась, думала, что дитя нездорово, советовалась с другими женщинами, которые тщательно осматривали дитя, но на нем не было заметно никаких признаков болезни – ни внутренней, ни наружной; напротив, малютка не только не плакал, но и весело смотрел на них, улыбался и играл ручками... Наконец обратили внимание на время, когда младенец не принимал сосцев матерних, и тогда все убедились, что в этом детском посте «или ознаменовались, – как выражается святитель Филарет, – предшествовавшие расположения матери, или проявляемы были семена будущих его расположений». Возвращенный постом во чреве матери, младенец и по рождении как будто требовал от матери поста. И мать действительно

стала еще строже соблюдать пост: она совсем оставила мясную пищу, и младенец, кроме среды и пятницы, всегда после того питался молоком матери.

Однажды Мария отдала младенца на руки другой женщине, чтобы та покормила его своей грудью, но дитя не захотело взять сосцов чужой матери; то же самое было с другими кормилицами... «Добрая отрасль доброго корня, – говорит блаженный Епифаний, – питалась только чистым млеком родившей его. Так сей младенец от чрева матери познавал Бога, в самых пеленах поучался истине, в самой колыбели привык к посту и вместе с молоком матери навывкал воздержанию... Будучи по естеству еще младенцем, он выше естества уже предначинал пощение; с младенчества он был питомец чистоты, питаемый не столько млеком, сколько благочестием, и предызбранный Богом еще до рождения».

Крещение Варфоломея

«Многие матери, – замечает по сему случаю святитель Платон, – не почитают важным делом кормить дитя своей грудью, но на самом деле это очень важно. Для чего же Творец естества наполняет молоком сосцы матерние, если не для того, чтобы приготовить в них для младенца питательную пищу? А с этой пищей, то есть с молоком, вливаются в младенца его будущие склонности и нравы». «Чужое молоко, – рассуждает в одном месте святитель Димитрий Ростовский, – не так полезно для младенца, как молоко его родной матери... Если кормилица больна, то будет больное и дитя; если она гневлива, невоздержна, сварлива... таково же будет и дитя, которое она кормит... Дитя, воспитанное чужим, не матерним млеком, не будет иметь к матери такой любви и привязанности, какую имеют дети, вскормленные ее собственным млеком... Да пристыдят таких матерей бессловесные животные: ни

одно из них не доверяет другому питать собственных детей...». «Лучше бы подумать доброй матери, – говорит святитель Филарет Московский, – отнимать ли мать вдруг у двух младенцев: у младенца кормилицы и у своего собственного, и заставлять ли своего младенца пить из груди кормилицы может быть тоску по оставленном ею собственном детище, вместо того чтобы он пил любовь из груди своей матери». «Бывают матери, – говорит святой Златоуст, – которые своих детей отдают кормилицам. Христос не попустил сего. Он питает нас собственным телом и напояет собственной кровью».

Окончилось время кормления грудью Варфоломея, дитя покинуло колыбель; возрастая телом, оно укреплялось и духом, исполняясь разума и страха Божия; благодать Божия почивала на святом младенце, и добрые люди утешались им.

Глава II Благодатный отрок

Радуйся, отрока добродушевное и благонадежное, Радуйся, детище, всякия благодати Божия исполненное!

Акаф. 1. Ик. 3.

Радуйся, навывнувший хранити страх Божий, премудрости начало, Радуйся, всем соучающимся тебе бывый добродетели зеркало!

Акаф. 2. Ик. 2.

Слабые успехи в грамоте. Детское горе. Молитвы дитяти. Дивный старец. Чудная перемена. Научение свыше. Детские подвиги. Благоразумные ответы отрока. Поведение и устройство его души. Его молитвенные излияния пред Богом

(1326–1332)

Когда Варфоломею исполнилось семь лет, родители отдали его учиться грамоте. Наши благочестивые предки всегда смотрели на обучение грамоте как на дело священное: грамота давала ключ к чтению и уразумению Божественных Писаний. И школы грамотности, которых было очень немного в то время, учреждались попечениями епископов и вообще духовенства. Ростовским епископом в то время, о котором мы говорим, был Прохор, муж учительный и благочестивый. Под его руководством и учителями в школы назначались, конечно, люди богобоязненные.

Детское горе

Вместе с Варфоломеем учились и два брата его – старший, Стефан, и младший, Петр. Братья обучались успешно, хотя Петру в то время не было и шести лет, а Варфоломей далеко

отставал от них. Учитель наказывал его, товарищи упрекали и даже смеялись над ним, родители уговаривали, да и сам он напрягал все усилия своего детского ума, проводил ночи над книгой и часто, укрывшись от взоров людских где-нибудь в уединении, горько плакал о своей неспособности, горячо и усердно молился Господу Богу: «Дай же Ты мне, Господи, понять эту грамоту; научи Ты меня, Господи, просвети и вразуми!» Но грамота все же ему не давалась. «Тяжелое чувство испытывает человек, – говорит святитель Платон, – когда всей душой желает учиться, чувствует в себе пламенное влечение к просвещению, но на пути к достижению цели его желаний встречаются какие-либо непреодолимые препятствия». Сильно огорчалось своей безуспешностью и доброе дитя. Немало печалились о том и родители его, и учитель: всем было прискорбно, что мальчик лишается великого дара Божия в учении книжном. Но, видно, нужно было, чтобы отрок, о котором были столь добрые предзнаменования, ранним опытом научился, что никакого успеха, никакого знания, никакой способности не должно приписывать себе, но единственно Богу, *Отцу светов*, от Которого свыше сходит *всяко даяние благо и всяк дар совершен* (Иак 1:17), и смиряться под крепкую руку (1 Пет 5:6) Того, Кто один *просвещает всякого человека, грядущаго в мир* (Ин 1:9). Чего, однако же, не преодолеют прилежание и труды, а наипаче молитва, и особенно молитва, исходящая от чистого сердца невинного дитяти! И вот Господь, *близ сущий всем призывающим Его во истине* (Пс 144:18), внял, наконец, и усердной молитве благоразумного отрока Варфоломея и даровал ему просимое.

Раз отец послал его в поле искать жеребят, каковое поручение пришлось особенно по душе мальчику, любившему уединяться от людей. Здесь-то и случилось с ним нечто подобное тому, что было с Саулом, который, будучи так же послан отцом своим для отыскания заблудившихся ослят, встретил пророка Самуила, возвестившего ему, что он будет царем над Израилем. На поле под дубом увидел Варфоломей незнакомого старца-черноризца, саном пресвитера; благоговейный и ангелоподобный старец приносил здесь свои молитвы Богу вездесущему и изливал пред Всеведущим слезы сердечного умиления. Поклонившись ему, скромный отрок почтительно отошел в сторону, не желая прерывать его беседы с Богом, и стал вблизи, ожидая окончания молитвы. Старец окончил молитву; он с любовью взглянул на доброе дитя и, прозревая в нем духовными очами избранный сосуд Святаго Духа, ласково подозвал его к себе, благословил его, отечески поцеловал и спросил: «Что тебе надобно, чадо?» Хотя мальчик был послан искать коней, но его тоскующая душа и теперь была всецело занята невеселыми мыслями о своей неспособности к учению; он забыл на этот раз о конях и с детской простотой поведал старцу свое сердечное горе.

Встреча отрока Варфоломея со старцем

«Меня отдали учиться грамоте, – сказал сквозь слезы Варфоломей, – и больше всего желала бы душа моя научиться читать слово Божие, но вот сколько ни стараюсь, никак не могу выучиться, не понимаю, что мне толкуют, и очень печалюсь о том; помолись за меня Богу, отче святой, попроси у Господа, чтобы Он открыл мне учение книжное, я верю, что Бог примет твои молитвы».

Умилился старец от таких речей малого отрока; он видел его усердие и, любясь красотой детской души, отражавшейся на его кротком лице, воздел руки, возвел очи на небо, вздохнул к Богу из глубины сердечной и стал молиться, испрашивая дитяти просвещения свыше... О, как пламенна была эта молитва таинственного старца под открытым небом, под тенью дуба, и с каким трепетом надежды соединял с ней свою чистую детскую молитву блаженный Варфоломей! В этом трогательном единении двух душ – убеленного сединами старца и малого отрока – их общая молитва, как чистый фимиам, восходила на небо и достигла престола Всевышнего...

Старец заключил свою вдохновенную молитву священным словом «Аминь» и бережно вынул из пазухи небольшой ковчежец. Открыв его, он взял оттуда тремя перстами малую частицу святой просфоры и, благословляя ею Варфоломея, промолвил: «Возьми сие, чадо, и снеждь; сие дается тебе в знамение благодати Божией и разума Святого Писания. Не смотри на то, что частица святого хлеба так мала – велика сладость вкушения от нее».

Нужно ли говорить, с каким восторгом принял святой отрок этот благодатный дар. Слезы радости блеснули в его детском взоре; с благоговением вкусил он от святого хлеба – и какую же сладкой показалась ему эта таинственная пища! «Не об этом ли сказано в псалмах, – сказал он старцу, – *коль сладка гортани моему словеса Твоя, паче меда устом моим... душа моя... возлюбил я зело!* (Пс 118, 103, 167)».

Заметим, что юный Варфоломей, по святой любознательности и усердию, много псалмов заучил наизусть со слов своих благочестивых родителей и, конечно, повторял их в своих уединенных прогулках по полям и лугам своей родины. Поэтому и теперь пришли ему на память приведенные слова псалмопевца.

«Если веруешь, чадо, – отвечал ему старец, – больше сих узришь. А о грамоте не скорби, ведай, что отныне Господь подаст тебе разумение книжное паче братьев твоих и товарищей, так что и других будешь пользоваться».

Радуюсь от всей души, что Бог привел ему встретиться с таким святым старцем, Варфоломей сладостно внимал его душеполезным наставлениям; как семена на добрую землю, так и благодатные слова старца ложились на его доброе сердце.

Довольно научив его о спасении души, старец хотел уже идти в путь свой, но благоразумный отрок не хотел расстаться с святым наставником; он пал к ногам его и со слезами умолял войти в дом его родителей. «Родители мои, – говорил Варфоломей, – очень любят таких, как ты, отче! Не лиши же и их своего святого благословения!»

Сколько детской простоты слышится в этих речах доброго мальчика! В них сказались вся любящая душа святого дитяти, и как счастливы родители, которых Бог благословил такими детьми! Поистине такие дети – Божие благословение, они не только в себе самих носят это благословение небесное, но и собирают его, так сказать, отовсюду, чтобы привлечь на дом родительский.

С улыбкой любви последовал старец за своим юным странноприимцем, и с честию его встретили родители Варфоломеевы. Для благочестивых людей такой старец-инок – всегда желанный гость, а Кирилл и Мария особенно любили принимать и покоить у себя в доме иноков. Приняв благословение от старца, они предложили ему радушное угощение. Но гость медлил садиться за стол. «Прежде следует вкусить пищи духовной», – заметил он и направился в моленную, которая в старое доброе время имела в каждом доме благочестивых князей и бояр. Туда пригласил он с собою Варфоломея и, благословив начало третьего часа, велел ему читать псалмы...

Старец благословляет Варфоломея

Напрасно изумленный отрок отговаривался неумением, старец сам дал ему в руки книгу и настоятельно сказал, чтобы тот читал слово Божие без сомнения. И что же? Отрок взял благословение от старца и, благоговейно осенив себя крестным знамением, начал стихословить Псалтирь стройно и внятно!.. И сам он, и родители, и братья не могли надивиться, как хорошо читает он... Ведь до сего времени он так тупо учился и мало понимал!.. Так впоследствии об этом рассказывал сам Преподобный. Над ним сбылось, замечает блаженный Епифаний, слово пророка: *...и рече Господь: се дах словеса Моя во уста твоя* (Иер 1:9).

После того святой гость вкусил предложенной ему трапезы и, благословив радушных хозяев, хотел удалиться, но благочестивым боярам жаль было так скоро отпустить его: им хотелось еще побеседовать с опытным в духовной жизни старцем, в котором они уже приметили дар прозорливости. Между прочим они рассказали ему, как сын их, будучи еще во чреве матери, троекратно прокричал в церкви, и желали знать, что думает старец об этом случае, который самой необычайностью своей заставлял их невольно задумываться над ним.

«О добрые супруги! – сказал им на это старец, – вот Господь удостоил вас такой великой милости – дал вам такого сына; зачем же вы страшитесь там, где нет никакого страха? Вам должно радоваться, что Бог благословил вас таким детищем. Он предызбрал вашего сына еще прежде его рождения. А что я говорю вам истину – вот вам знамение: с этой поры отрок будет хорошо понимать всю книжную мудрость и свободно будет читать Божественное Писание. Знайте, что велик будет сын ваш пред Богом и людьми за его добродетельную жизнь!»

Старец встал, чтобы идти; уже на пороге дома он еще раз обратился к родителям Варфоломеевым и вымолвил в пророческом духе такие загадочные слова: «Отрок будет некогда обителем Пресвятой Троицы, он многих приведет за собой к уразумению Божественных заповедей».

Гостеприимные хозяева проводили странника до ворот своего дома, но тут он вдруг стал невидим, так что Кирилл и Мария невольно подумали, не Ангел ли Божий был послан к ним, чтобы даровать премудрость их сыну. И глубоко сохранили они в благоговейных сердцах своих его таинственные глаголы.

Между тем, как говорил старец, так и сбылось: с отроком произошла чудная перемена. Какую бы книгу ни раскрыл он, тотчас же начинал читать ее без всякого затруднения, понимая и смысл того, что читал. Так дар Божий, столь неожиданно ему ниспосланный, действовал в юном Варфоломее и просветил ум его. Нет нужды говорить, что после этого случая он скоро опередил в учении как братьев своих, так и прочих товарищей.

Нередко можно и в наше время встретить примеры горячего детского благочестия, продолжительных горячих, со слезами, молитв, любви к богослужению, усердного стремления подражать подвигам Святых Отцев; это бывает в тех благочестивых семействах, в которых дети воспитываются в страхе Божиим, на чтении житий святых, под сенью храма Божия. А в Древней Руси все воспитание детей велось в строго церковном духе. И это чувство, эти чистые, святые стремления дитяти не скорбь и мрак вносят в его юную душу, но отрадную тишину, ясность и спокойствие. Дитя черпает в них духовную силу и крепость; в его душе слагаются светлые образы (идеалы) жизни святой, жизни по Евангелию Христову, – образы, которые сродняются с его юным сердцем и становятся для него на всю жизнь заветной святыней, к которой с теплым чувством обращается потом человек даже в глубокой старости. И чем сильнее эти святые стремления в детстве, тем больше они освещают впоследствии мрак жизни в сей доли земной; они примиряют утомленного невзгодами жизни пришельца земли с его нерадостной долей и поддерживают, ободряют, утешают в его многотрудном странствовании к отечеству небесному.

Так было с отроком Варфоломеем. Рано в его душе, воспитанной примерами и уроками благочестия, раскрылось чувство любви к молитве и готовность к подвигам для угождения Богу. Простое, доброе сердце дитяти есть открытая дверь для благодати Божией; посемуто и сказал Господь о детях: *таковых есть Царство Небесное* (Мф 19:14). Рано снизошла благодать Божия и в невинное сердце отрока Варфоломея и воцарилась там. Всей душой Варфоломей полюбил богослужение церковное и не опускал ни одной службы церковной. Наши предки не знали и не любили читать какие-либо книги светского содержания. Жития святых, святоотеческие писания, разные Палеи, сборники, летописные сказания о минувших судьбах родной земли – вот книги, которые были любимым чтением того времени. Конечно,

в доме благочестивого боярина Кирилла не было недостатка в таких книгах, отрок Варфоломеем их читал и перечитывал, и – кто знает? – может быть, некоторые рукописи XII–XIV веков, оставшиеся в библиотеке лавры от времени самого ее основателя, были принесены им в пустыню как единственное дорогое наследство после его родителей. Почерпая из книг уроки мудрости духовной, он тотчас же старался прилагать их к жизни своей – «...не так, – замечает святитель Филарет, – как многие долголетние ученые, которых учение цветет в словах, но в делах не созревает». Он скоро понял, что еще в отроческом возрасте страсти уже начинают проявлять свою губительную силу, которую сдержать стоит немалого труда; а кто хотя раз поддастся в юности их влечению и попустит им связать себя порочными склонностями, тому и подавно тяжело преодолеть их. И вот благоразумный отрок принимает все меры, чтобы оградить себя от их воздействия, и пресекает все пути, которыми они обыкли находить доступ к сердцу человека. Так, прежде всего он совершенно уклоняется от детских игр, шуток, смеха и пустословия, помня, что *тлят обычаи благи беседы злы* (1 Кор 15:33) и что со строптивым легко можно и самому развратиться (Пс 17:27). Потом, сознавая, что воздерживать себя во всем есть лучшее средство сдерживать страсти, а свободный от страстей дух и не помраченная ими мысль всегда бывают способнее к восприятию благодати Божией, святой отрок налагает на себя строгий пост: по средам и пятницам он не позволяет себе вкушать ничего, а в прочие дни питается только хлебом и водой. О каких-нибудь других питиях, не говоря уже о вине, он не позволяет себе и помыслить во всю свою жизнь.

Заботливая мать старалась умерить строгость его поста. «Не изнуряй себя излишним воздержанием, сын мой, – говорила она, – чтобы тебе не заболеть от истощения сил, тогда и нам немалую скорбь причинишь. Ты еще дитя, твое тело еще растет; посмотри: никто в твоём возрасте не принимает на себя такого поста; ни братья твои, ни товарищи так не постятся, как ты; другие дети семь раз на дню поедят, а ты, дитя мое, ешь только раз в день, а то и через день; перестань так делать, это тебе не по силам: всякое добро хорошо в меру и в свое время. Вкушай пищу по крайней мере вместе с нами».

Но благоразумный отрок кротко отвечал на эти увещания любящей матери: «Не стесняй меня в этом, родная моя, чтобы не пришлось делать так против воли твоей. Не отклоняй меня от воздержания, которое так сладостно душе моей; зачем советуешь своему сыну бесполезное? Ведь вы же сказали мне, что я еще в колыбели постился по средам и пятницам; как же я могу не понуждать себя угождать Богу, чтобы Он избавил меня от грехов моих?»

«Тебе нет еще и двенадцати лет от роду, – возражала ему мать, – а ты уже говоришь о грехах своих! Мы видели над тобой явные знамения благодати Божией; ты избрал благую часть, которая не отнимется у тебя, – что у тебя за грехи?»

«Перестань, матушка, – со сдержанным огорчением отвечал ей сын, – что ты это говоришь? Тебя увлекает естественная любовь твоя к детям, но послушай, что говорит Святое Писание: *никтоже чист пред Богом, аще и един день жития его будет на земли* (Иов 14:4–5); никто не безгрешен, токмо един Бог, а Божественный Давид о нашей худости говорит: “...в беззакониих зачат есмь и во гресех роди мя мати моя” (Пс 50:7), сего ради да не похвалится всяк человек! *Брашно и питие, конечно, нас не поставляет пред Богом!* (1 Кор 8:8).

Мать удивлялась разумным речам своего сына и, не желая препятствовать его доброму произволению о Боге, обыкновенно говорила ему: “Если ты так рассуждаешь, то делай как хочешь, Господь с тобой, я не хочу стеснять тебя в добром, дитя мое!”»

И святой отрок никогда не позволял себе даже отведать каких-нибудь сладких блюд или напитков, следуя мудрому наставлению Великого Василия: «Аще хочеши внити в рай, воздержи чрево, бежи пьянства». Так, укрощая юную плоть свою воздержанием и трудами для сохранения чистоты душевной и телесной, он ни в чем не выходил из воли своих родителей – как кроткий и послушный сын, он был истинным утешением для них.

«И виден был в нем прежде иноческого образа совершенный инок», – говорит блаженный Епифаний. Поступь его была полна скромности и целомудрия; никто не видал его смеющимся, а если и появлялась иногда кроткая улыбка на его прекрасном лице, то и она была сдержанна; а чаще лицо его было задумчиво и серьезно; на глазах нередко заметны были слезы – свидетели его сердечного умиления; его уст никогда не оставляли Богодухновенные псалмы Давидовы. Всегда тихий и молчаливый, кроткий и смиренный, он со всеми был ласков и обходителен, ни на кого не раздражался, от всех с любовью принимал случайные неприятности. Ходил он в плохой одежде, а если встречал бедняка, то охотно отдавал ему свою одежду.

Благоговейное устроение юной души Варфоломея естественно располагало его искать уединения, где бы мог он наедине с Богом изливать в сердца и в слезной молитве пред Ним все святые чувства невинного сердца и в самопредании воле Божией искать подкрепления духу на предстоящем жизненном пути. Он так и делал. Особенно любил он молиться по ночам, иногда совсем проводя ночи без сна и все это стараясь тщательно укрыть от домашних. И какую же детской доверчивостью и пламенной любовью к Богу, какой, так сказать, мудрой простотой дышала его чистая молитва! «Господи! – так зывал он в умилении сердечном, – если верно то, о чем поведали мне родители мои, если прежде моего рождения на свет Ты уже благоволил явить на мне, убогом, дивные знамения благодати Твоей, то да будет воля Твоя, Господи! Буди, Господи, милость Твоя на мне! И дай же мне, Господи, измлада возлюбить Тебя всем сердцем моим и всей душой моей и поработати единому Тебе, яко к Тебе привержен есмь от утробы матери моея, от ложесн, от сосцу матери моей Бог мой еси Ты! И как посетила меня благодать Твоя, когда я был еще во чреве матери моей, так не оставь меня и ныне, Господи! Отец мой и мати моя – придет время – оставят меня, а Ты восприими меня, соделай меня Своим, причти меня к избранному Твоему стаду! Тебе предоставлен я, бедный, от самых пелен; избави же меня, Господи, от всякой нечистоты, от всякой скверны, душевной и телесной, сподоби меня творити святыню во страхе Твоем, Господи! К Тебе единому пусть стремится сердце мое, да не усладят меня все сладости мира сего, да не прельстят меня все красоты житейские; к Тебе единому пусть прилепится душа моя, и да восприимет меня десница Твоя... Не попусти мне когда-нибудь возрадоваться радостью мира сего, но исполни меня, Господи, радостью духовной и неизреченной сладостью Божественной; Дух Твой благий да наставит мя на землю праву!»

Детская молитва

И невольно каждый, видевший такое доброе устройство Варфоломея, любовался им, невольно говорил про себя с удивлением: что-то выйдет из этого отрока, которого Бог сподобил такой благодати с раннего детства.

А отрок между тем становился юношей и, возрастая годами, возрастал и в благочестии. И само собою зарождалось в нем желание иноческого подвига, и с каждым днем все больше и больше росло и созревало это желание, пока, наконец, не обратилось в пламенную жажду души, которой томился некогда венценосный подвижник и пророк и взывал: *«Возжада душа моя к Богу крепкому, живому: когда прииду и явлюся лицу Божию?»* (Пс 41:3).

Но не в Ростовской земле, не в Ростовском княжестве, которое тогда потеряло уже свое значение, суждено было исполниться этим заветным мечтам. Там, по выражению песни церковной, первые искры «Божественного желания» только начали возжигать сей великий светильник, но не там надлежало ему возгореться. Ему назначено было Промыслом Божиим просиять в мрачной пустыне, среди дремучих лесов радонежских, чтоб оттуда светить све-

том своей жизни святой и своего благодатного учения только что возникавшей тогда из неизвестности Москве, которая готовилась быть первопрестольной столицей всей Русской земли, а с Москвой – светить и всему Православному Царству Русскому.

Посмотрим теперь, как перенесен был благодатный светильник сей из пределов Ростова Великого в пределы незнатного Радонежа, – перенесен невидимой рукой Промысла Божия, руководившего обыкновенными путями дел человеческих.

Глава III

Покорный юноша

Радуйся, яко от младых ногтей последовал еси Христу.
Ик. Минеи

Радуйся, от юности твоя всем сердцем и мыслию Бога возлюбивый.
Акаф. 1. Ик. 3

Радуйся, любви ради Зиждителя твоего земная к земле возвративый, Радуйся, приобретения ради Христа уметы вся быти вменивый.
Акаф. 2. Ик. 3

**Бедствия Русской земли. Возвышение Москвы. Своеволия
Кочевы в Ростове. Переселение Кирилла в Радонеж.
Порывы юной души. Благоразумие родителей и послушание
сына. Бояре-схимники и их кончина. Святая решимость.**

(1330–1340)

Здесь уместно сказать несколько слов о том, в каком состоянии находилась в описываемое нами время Русская земля, чтобы знать, при каких обстоятельствах жили родители Варфоломеевы и среди каких условий воспитывался сам Варфоломей. Раскроем на минуту скорбные страницы родной нашей истории, чтобы яснее видеть, какого великого мужа послал Бог многострадальному отечеству нашему в лице смиренного Своего избранника, пустынноика Радонежского, в столь трудные времена. На темной картине исторических событий его светлый образ выступает пред нами во всей своей неземной красоте.

Поистине трудные были тогда времена! Тяжким бременем лежало иго татарское на плечах русского народа. О том, чтобы сбросить с себя это ненавистное иго, никто не смел и подумать. Князья то и дело ходили в Орду – то на поклон грозным тогда ханам монгольским, то судиться и тягаться между собой, и сколько благородной крови княжеской пролито в Золотой Орде по зависти и братоубийственной ненависти честолюбивых соперников! Наш историограф Карамзин справедливо замечает, что «древняя русская пословица: *близь Царя – близь смерти* родилась тогда, как наше Отечество носило цепи Моголов. Князья ездили в Орду, как на Страшный Суд: счастлив, кто мог возвратиться с милостью царской, или по крайней мере с головой!» Нередко там они и душу свою полагали за веру православную и за святую Русь. А поэтому, отправляясь в Орду, они обыкновенно писали духовные завещания, прощаясь навсегда со своей семьей. Народ страдал от своеволия грубых и гордых татарских численников и баскаков (чиновников), которые разъезжали по всем городам. Не было от них никому пощады, что хотели, то и делали: города и селения жгли и грабили, храмы Божии разоряли или оскверняли, а людей убивали или уводили в плен. Даже купцы, даже просто бродяги монгольские обходились с нашими предками, как с презренными рабами. При таких неурядицах, при недостатке единой, сильной власти был полный простор страстям негодных людей, которых и всегда бывает немало, а в такие тяжкие времена число их

обыкновенно увеличивается. Иго татарское не прошло бесследно и в народной нравственности. «Забыв гордость народную, – говорит Карамзин, – мы выучились низким хитростям рабства, заменяющим силу в слабых; обманывая татар, еще больше обманывали друг друга; откупаясь деньгами от насилия варваров, стали корыстолюбивее и бесчувственнее к обидам, к стыду, подверженные наглостям иноплеменных тиранов. От времен Василия Ярославича до Иоанна Калиты (период самый несчастнейший!) отечество наше походило более на темный лес, нежели на государство: сила казалась правом; кто мог, грабил: не только чужие, но и свои; не было безопасности ни в пути, ни дома; татьба сделалась общей язвой собственности».

Да, тяжело было Русской земле в те скорбные времена; трудно, невозможно было одолеть сильного врага, и именно потому, что князья русские все больше ссорились между собой, единства не было, по клочкам была разделена вся обширная Русская земля. И если бы не сознали наконец необходимости этого единства, – кто знает? – может быть, и совсем погибла бы Русь Православная, подпав владычеству более опасных врагов, каковы были в то время Литва, Польша, Венгрия и Швеция...

Но Бог не попустил случиться такой беде. Раньше всех поняли опасность наши первосвятители; они всегда твердили князьям, что единодушие между ними необходимо для спасения России от окончательной гибели; когда было можно, святители всегда являлись миротворцами в усобицах княжеских, действуя и словом убеждения, и силой духовной власти. А прозорливый святитель Петр положил прочную основу объединению Русской земли, переселившись навсегда из Владимира, на Клязьме, в незнатный тогда городок Москву к умному и благочестивому князю Иоанну Даниловичу Калите. Этот князь стал настойчиво приводить в исполнение намеченную еще его отцом мысль объединения Русской земли и присоединял одно за другим соседние княжества к Московскому. Святитель Петр незадолго перед кончиной своей ободрил князя предсказанием о будущем величии Москвы. «Если ты, сын мой, – говорил он в духе пророчества, – успокоишь мою старость и воздвигнешь здесь храм, достойный Богоматери, то будешь славнее всех иных князей, и род твой возвеличится; кости мои останутся в сем граде, святители захотят обитать в оном, и руки его взыдут на плеча врагов наших». Иоанн исполнил завет старца митрополита, и Бог благословил успехом его начинания на пользу отечества. Москва мало-помалу стала возвышаться над другими городами, а сам Иоанн заслужил славное имя собирателя Русской земли. Через сто лет с Москвой никто уже не дерзал спорить о первенстве: она объединила под собой всю тогдашнюю Русь, и это объединение не только спасло Россию от конечного разоренья, но и помогло ей сбросить иго монгольское.

Но нелегко было удельным князьям расставаться со своей свободой. Московский князь действовал властно, иногда ничем не стесняясь, ни пред чем не останавливаясь. Даже в тех случаях, когда присоединение соседних уделов совершалось мирным путем, посредством, например, родственных союзов с Великим Князем Московским, и тогда Иоанн Данилович не задумывался распоряжаться удельными как ему хотелось. Так, он выдал своих дочерей одну за Василия Давидовича Ярославского, а другую за Константина Васильевича Ростовского и, «действуя как глава России, предписывал своим зятям законы в собственных их областях». «Горько тогда стало городу Ростову, – со скорбью повествует летописец, – и особенно князьям его! У них отняты были всякая власть и имение, вся же честь их и слава потягнули к Москве». Послан был на Ростов в сане воеводы московский вельможа Василий, прозванием Кочева, с ним другой, по имени Мина; по прибытии в Ростов они стали действовать повелевающе, притесняя жителей, так что многие ростовцы принуждены были отдавать москвичам свои имущества поневоле, за что получали только оскорбления и побои и доходили до крайней нищеты. Трудно и пересказать все, что потерпели они; дерзость московских воевод дошла до того, что они повесили вниз головой ростовского градоначальника, престарелого

боярина Аверкия, поставленного еще князем Василием Константиновичем, и в таком виде оставили его на поругание... Так поступали они не только в Ростове, но и по всем волостям и селам его. Народ роптал, волновался и жаловался на эти своеволия; все говорили, что слава Ростова исчезла, что князья его лишились своей власти, что Москва тиранствует...

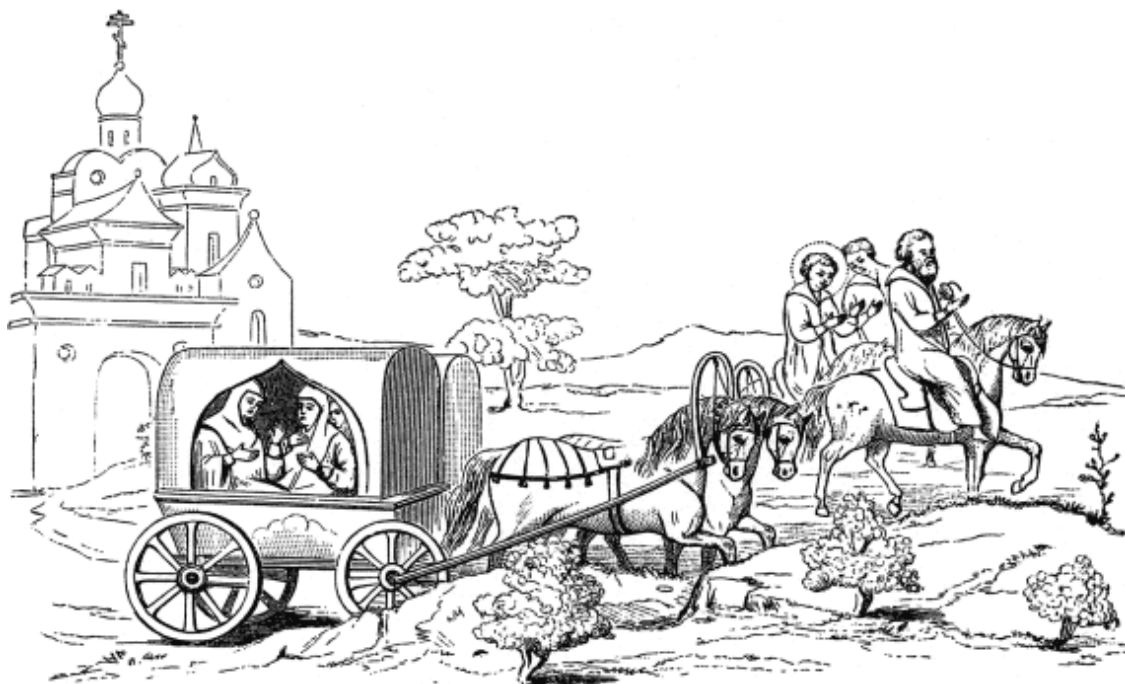
Вид села Городка, что в древности был город Радонеж

Не избежали, конечно, этих народных скорбей и праведные родители Варфоломеевы. Славный и именитый некогда боярин Кирилл еще ранее описанных нами событий в Ростове под старость стал терпеть нужду. Частые путешествия в Орду со своим князем, тяжкие дани и непосильные подарки ордынским вельможам, без чего никогда не обходились эти путешествия, жестокий голод, нередко опустошавший Ростовскую область, а больше всего, говорит преподобный Епифаний, великая рать, или нашествие Туралыково, в 1327 году, – все это вместе отозвалось крайне неблагоприятно на его состоянии и почти довело его до нищеты. Очень вероятно также, что своеволие московских наместников, которые распоряжались в Ростове, как независимые государи, не пощадило и Кирилла, как ближнего боярина князей Ростовских; может быть, и он лишился тогда не только чести своей, но и всего своего достоинства. Тяжело было Кириллу после всего, что испытал он в Ростове, оставаться там, а может быть, и прямо приказано было от наместников московских удалиться из Ростова, и потому он решил, лишь только откроется возможность, покинуть родной город и перейти на службу к другому князю. Случай скоро представился.

В двенадцати верстах от Троицкой лавры по направлению к Москве есть село Городище, или Городок, которое в древности носило имя Радонеж.

В 1328 году, отправляясь в Орду, великий князь Иоанн Данилович написал духовное завещание, в коем между прочим назначил «село Радонежское» в удел великой княгине Елене «с малыми детьми» нераздельно. Вскоре после того село это перешло в полную собственность младшего сына Иоаннова, Андрея. Великий Князь, по малолетству Андрея, поставил в Радонеже наместником Терентия Ртища, который, желая привлечь большее число поселенцев в этот почти не заселенный тогда край, объявил именем князя разные льготы переселенцам. Лишь только это стало известно в Ростове, многие из его жителей, в надежде найти себе облегчение, потянулись в Радонеж. В числе таких переселенцев Епифаний называет Протасия, тысяцкого, Георгия, сына Протопопова, с родом его, Иоанна и Феодора Торماسовых, их родственников Дюдены и Онисима, бывшего ростовского вельможу, а впослед-

ствии диакона и ученика Сергиева. В числе их переселился и блаженный Кирилл со всем своим семейством и водворился в Радонеже близ церкви Рождества Христова.

Переселение родителей Варфоломея в Радонеж

По обычаю того времени, Кирилл должен был получить поместье, но сам он, по старости, уже не мог нести службы, и потому обязанность эту принял на себя старший сын его, Стефан, который, вероятно, еще в Ростове женился. Младший из сыновей Кирилла, Петр, также избрал супружескую жизнь, но Варфоломей и в Радонеже продолжал свои подвиги. Размышляя о суете всего земного, блаженный юноша нередко повторял сам себе слово пророческое: «*Кая польза в крови моей, внегда сходити ми во истление?*» (Пс 29:10). Правда, мир и все, что в мире, создано Богом для блага людей, но все это человеческими страстями, насилиями, неправдами до того извращено, что жизнь человеческая не представляет почти ничего, кроме труда и болезней, и для желающего в кротости духа устроить свое спасение со всех сторон встречаются препятствия и соблазны. Рассуждая таким образом, Варфоломей стал просить у своих родителей благословения избрать путь иноческой жизни. Не раз он говорил отцу: «Отпусти меня, батюшка, с благословением, и я пойду в монастырь».

«Помедли, чадо, – отвечал ему на это отец, – сам видишь: мы стали стары и немощны; послужить нам некому: у братьев твоих немало заботы о своих семьях. Мы радуемся, что ты печешься, како угодити Господу Богу, – это дело хорошее, но верь, сын мой, твоя благая часть не отнимется у тебя, только послужи нам немного, пока Бог явит милость Свою над нами и возьмет нас отсюда; вот проводи нас в могилу, тогда уже никто не возбранит тебе исполнить свое заветное желание».

И благодатный сын повиновался; он прилагал все свое старание угодить святым родителям и упокоить их старость, чтобы заслужить себе их благословение и молитвы. Не связанный семейными заботами, он всего себя посвятил упокоению родителей, а по своему кроткому, любящему характеру был как нельзя более способен к этому.

Какой прекрасный поучительный пример и благоразумия родительского, и послушания сыновнего! Кирилл и Мария не усиливаются погасить возгорающееся в сыне своем Божественное желание, не принуждают его связать себя с суетой мира узами брачными, как делают многие родители века сего, – они только указывают ему на свои нужды и немощи, а

втайне, вероятно, более имеют в виду его молодость и дают ему случай еще испытать самого себя и укрепиться в святом намерении, дабы он, возложив руку на рало, уже не озираясь вспять. Но и Варфоломей не следует примеру своевольных детей века сего, из коих многие даже в обыкновенных мирских делах не хотят покорить воли своей воле родителей и ни во что ставят их нужды и желания, – нет, благоразумный юноша знает достоинство того, чего желает; однако же, взирая на заповедь Божию: *чти отца и мать* (Мф 15:4), соглашается до времени томить себя неисполненным желанием, дабы сохранить повиновение родителям и через то наследовать их благословение, – так дорожил он этим благословением! И родители, конечно, от всего любящего сердца благословляли послушного сына святыми своими благословениями до последнего своего вздыхания!

Но дух иночества нечувствительно сообщился от сына родителям – при конце своей многоскорбной жизни Кирилл и Мария пожелали и сами, по благочестивому обычаю древности, воспринять на себя ангельский образ. Верстах в трех от Радонежа был Покровский Хотьков монастырь, который состоял из двух отделений – одного для старцев, другого для стариц; в этот монастырь и направили свои стопы праведные родители Варфоломеевы, чтобы здесь провести остаток дней своих в подвиге покаяния и приготовления к другой жизни. Почти в то же время произошла важная перемена и в жизни старшего брата Варфоломеева, Стефана: недолго жил он в супружестве, жена его Анна умерла, оставив ему двух сыновей – Климента и Иоанна.

Похоронив супругу в Хотькове монастыре, Стефан не пожелал уже возвратиться в мир; поручив детей своих, вероятно, Петру, он тут же, в Хотькове, и остался, чтобы принять монашество, вместе с тем послужить и своим немощным родителям. Впрочем, претружденные старостью и скорбями, схимники-бояре недолго потрудились в своем новом звании: не позже 1339 года они с миром уже отошли ко Господу на вечный покой.

Дети почтили их слезами сыновней любви и похоронили под сенью той же Покровской обители, которая с сего времени сделалась последним приютом и усыпальницей рода Сергиева.

Вид Покровского Хотькова монастыря

После удаления старшего брата в монастырь Варфоломей остался полным хозяином в доме родителей. Кончину их он принял как поданный Провидением Божиим знак к исполнению своего заветного намерения. Отдавая им последний долг сыновней любви, он неотлучно провел в Хотькове монастыре сорок дней, пока совершалось установленное Церковью

поминовение новопреставленных; свою молитву о упокоении душ их он соединял с делами милосердия – каждый день кормил нищих и раздавал бедным остатки небогатого имущества почивших. В духовной радости возвратился он наконец в Радонеж: теперь никто и ничто не могло удержать его в мире, среди столь несносной для души его суеты... С наслаждением повторял он изречения Священного Писания, которые так подходили теперь к его устройству душевному: *изыдите от среды их и отлучитесь... и ничему сущему в мире не прикасайтесь* (2 Кор 6:17); *отступите от земли и вздыте на небо. Прильпе душа моя по Тебе, Господи, мене же прият десница Твоя!* (Пс 62:9).

Прощание Варфоломея с умершими родителями

Вот какими чертами изображает состояние души Варфоломеевой в это время святитель Платон: «Читал Варфоломей во святом Евангелии: *Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф 11:28), – читал он и размышлял: что может быть желательнее сего? Я, я – из числа сих труждающихся, я – из числа обремененных. Чувствую в себе силу страстей, совесть моя трепещет суда Божия. Сосуд избранный, апостол Павел, говорит о себе, что он – первый из грешников. А мне что иное о себе сказать? И внешние обстоятельства своею прискорбностью гонят меня в пустыню... Отовсюду я утружден и обременен; но вот Господь глаголет в Евангелии: *прииди ко Мне, и Аз упокою тя*. Можно ли пренебрегать тем, чего всеми силами искать надобно? Сам Господь ищет меня и сретает с Своим вожденным покоем. И как же я был бы неразумен, если бы вздумал отказаться от сего неоцененного сокровища! Нет, пойду, побегу за гласом сим: Он солгать не может. Сердце мое Он зажег, не могу успокоиться, пока обещанного Им покоя не найду! *Се удалюся бегая и водворюся в пустыни, буду чаять Бога, спасающего мя от малодушия и от бури!* (Пс 54:8–9)».

Усыпальница родителей Преподобного Сергия в Хотьковом монастыре

Обращал Варфоломей в благоговейном сердце своем и другое слово Господа: *«Аще кто грядет ко Мне, и не... отречется всего своего имения, не может быти Мой ученик»* (Лк 14:26, 33). Желая последовать сему слову спасительному, он передал своему меньшему брату, Петру, все, что осталось после родителей. Так сделан был решительный шаг, и святой юноша на двадцать первом году своей жизни бодро вступил на новый путь, полный скорбей и лишений, и, подклонив свою главу под благое иго креста Христова, устремился к возжеланным для него подвигам духовным, как жаждущий елень стремится к живительным источникам водным...

«Он оставил мир, – говорит святитель Филарет Московский, – когда мир еще не знал его; ...и впоследствии не восхотел стать даже в такое состояние, которое хотя и в мире, но не от мира и не для мира (разумею сан святительский); самое послушание, столь свято хранимое Сергием во всех других случаях, не могло привести его к тому, чтобы расстаться с сладкой пустыней или хотя бы только принять от руки святителя священное украшение, как благословение архипастырское», потому что сие украшение (крест) было сделано из золота.

Глава IV

Братья в пустыне

Радуйся, иго Христово благое понесиши измлада, Радуйся, не обративыйся вспять в шествии до Горняго Града!

Акаф. 2. Ик. 3

Радуйся, вся мира сего красная, яко скоро исчезающая, презревай.

Акаф. 1. Ик. 3

Радуйся, зеркало совершенного терпения.

Акаф. 1. Ик. 6

Горящее сердце. Стефан и Варфоломей водворяются в пустыне. Первая келия и первая церквица. Восторг юного подвижника. Пустынные скорби. Стефан оставляет брата

(1339–1342)

Расстался Варфоломей с Радонежем и пошел в Хотьков, который теперь был для него роднее Радонежа. Можно ли изъяснить то блаженное состояние, в каком находилась тогда его чистая душа, вся объятая пламенем божественной любви? Опытные в духовной жизни подвижники говорят, что в начале подвига душа обыкновенно горит неизъяснимой жадной подвига, все кажется возможным, всякий труд – легким, всякое лишение – ничтожным. Благодать Божия, как нежная, любящая мать, дает новонаначальному подвижнику вкусить тех благ неизреченных, которые ожидают его по совершении подвига, – дает без всякой с его стороны заслуги, для того, чтобы он знал, что получит по очищении своего сердца от страстей, и потому не ослабевал в борьбе с врагами спасения. И блажен, кто не был рабом своих страстей, кто сохранил непорочность детства в юности и от юности взял крест свой, чтобы идти за Господом! Тогда как другие подвижники всю жизнь свою проводят в тяжелой борьбе со своими страстями и благодать Божия действует в них сокровенно, лишь изредка утешая их сладостным ощущением своего присутствия и снова скрываясь, дабы они не впали в высокое о себе мнение, – сей избранник благодати за свою детскую простоту, за чистоту своего сердца, незнакомаго с грязью порока, скоро сподобляется благодатного покоя бесстрастия. К таковым по преимуществу можно отнести слово Лествичника: «Изшедший от мира по любви к Богу в самом начале приобретает огонь, который, быв ввержен в вещество (страстей), вскоре возжжет сильный пожар» и истребит страсти. К числу таких избранников благодати принадлежал и Варфоломей. Давно горел в душе его этот благодатный огонь, а теперь он проник все его духовное существо. Его мысль уже витала в дебрях пустынных...

В Хотькове, как уже знают читатели, смиренно подвизался вблизи трех дорогих могил старший брат Варфоломея, Стефан. К нему-то и спешил блаженный юноша. Скромный, с детства привыкший подчинять свою волю воле старших, он и теперь боялся положиться на себя и надеялся иметь в братеиноке верного спутника и опытного руководителя на новом, многотрудном жизненном пути. Остаться в Хотькове у него не было намерения: его душа

жаждала безмолвия пустыни; чем больше представляла труда одинокая жизнь пустынника, чем больше было в ней лишений, тем для него казалось лучше.

И вот Варфоломей в Хотьковской обители. Он упрашивает брата идти с ним искать места для пустынножительства. Стефан не вдруг решается на такой подвиг. Недавний мирянин, поступивший в монастырь не столько по влечению чистой любви к Богу, сколько потому, что его сердце, разбитое семейным горем, искало врачевания в тишине святой обители, он не думал принимать на себя подвига выше меры своей и желал проходить обычный путь жизни монашеской в стенах монастырских. Но Варфоломей просит, умоляет – и добросердечный Стефан уступает наконец неотступным просьбам любимого младшего брата и, «принужен быв словесы блаженного», соглашается. Братья оставляют гостеприимную обитель и идут в самую глушь соседних лесов...

Варфоломей в уединении

В те времена каждый желавший уединенной жизни мог один или с товарищем свободно идти в лес, на любом месте строить себе хижину или копать пещеру и селиться тут. Земли было много свободной, не принадлежавшей частным владельцам. Когда собиралось около пустынников несколько человек, то строили церковь, испрашивали у князя права на владение местом, а у местного святителя – разрешения освятить церковь, и обитель основывалась. Но Варфоломей не думал строить обитель, не желал собирать около себя братию,

у него было одно заветное желание – укрыться навсегда от мира в глубине непроходимой чащи лесной, укрыться так, чтобы мир никогда не нашел его и совсем позабыл отшельника.

Долго ходили братья по окрестным лесам, наконец им полюбилось одно место, удаленное не только от жилищ, но и от путей человеческих. Это место было Самим Богом предназначено к устройению обители: над ним и прежде видали достойные люди – одни свет, другие огонь, а иные ощущали благоухание. Оно находилось верстах в десяти от Хотькова и представляло небольшую площадь, которая возвышалась над соседней местностью в виде маковки, почему и названа Маковцем, или Маковицей. Глубокая дебрь с трех сторон окружала эту Маковицу, густой лес, до которого еще никогда не касалась рука человеческая, одевал ее со всех сторон сплошной чащей, высоко поднимая к небу свои тихо шумящие вершины... В окружающих эту возвышенность дебрях можно было найти немного и воды, хотя ходить за нею было и неблизко. «Любуясь первобытной красотой местности, – говорит святитель Платон, – Варфоломей представлял себе в мысли земной рай, в котором жили праотцы рода человеческого в невинном состоянии, до грехопадения». Мы не можем представить себе того восторга, который наполнял тогда душу и сердце молодого отшельника! Наконец-то сбываются его заветные желания, его задушевные мечты: вот она – давно желанная пустыня, вот он – дремучий лес!.. Мир со всей его суетой, с его житейскими тревоблениями остался там, где-то далеко позади Варфоломея; отшельник более не вернется туда – здесь он найдет свой покой, здесь поселится навсегда, будет беседовать с Единым Богом, разделяя труды со своим родным не по плоти только, но и по духу братом!

Горячо помолились братья на избранном месте пустынного жития; предавая самих себя в руки Божии, они призывали Божие благословение и на самое место своих будущих подвигов. Потом стали рубить лес; с великим трудом переносили они тяжелые бревна на своих хотя и привычных к труду, но все же боярских плечах; мало-помалу редела чаща лесная, открывая место, на котором впоследствии суждено было Богом процвести славной лавре Сергиевой. Отшельники устроили себе сначала шалаш из древесных ветвей, а потом убогую келийку, наконец подле келии поставили и малую церквичку. Все это было сделано руками самих братьев-трудников; они не хотели приглашать посторонних людей, потому что телесный труд был необходимым условием самой жизни подвижнической. Когда церковь была готова к освящению, Варфоломей сказал Стефану: «По плоти ты мне старший брат, а по духу – вместо отца, итак, скажи мне: во имя какого святого следует освятить нашу церковь? Какой будет ее престольный праздник?» «Зачем спрашиваешь меня о том, что сам лучше меня знаешь?» – отвечал ему старший брат. «Ты, конечно, помнишь, как не раз покойные родители наши при мне говорили тебе: “Блюди себя, чадо: ты уже не наше, а Божие; Господь Сам избрал тебя прежде твоего рождения и дал о тебе доброе знамение, когда трижды возгласил ты во чреве матери во время литургии”. И пресвитер, тебя крестивший, и чудный старец, нас посетивший, говорили тогда, что это трикратное проглашение твое предзнаменовало, что ты будешь учеником Пресвятой Троицы; итак, пусть церковь наша будет посвящена Пресвятому имени Живоначальной Троицы – это будет не нашемышление, а Божие изволение, пусть же благословляется здесь имя Господне отныне и вовеки!»

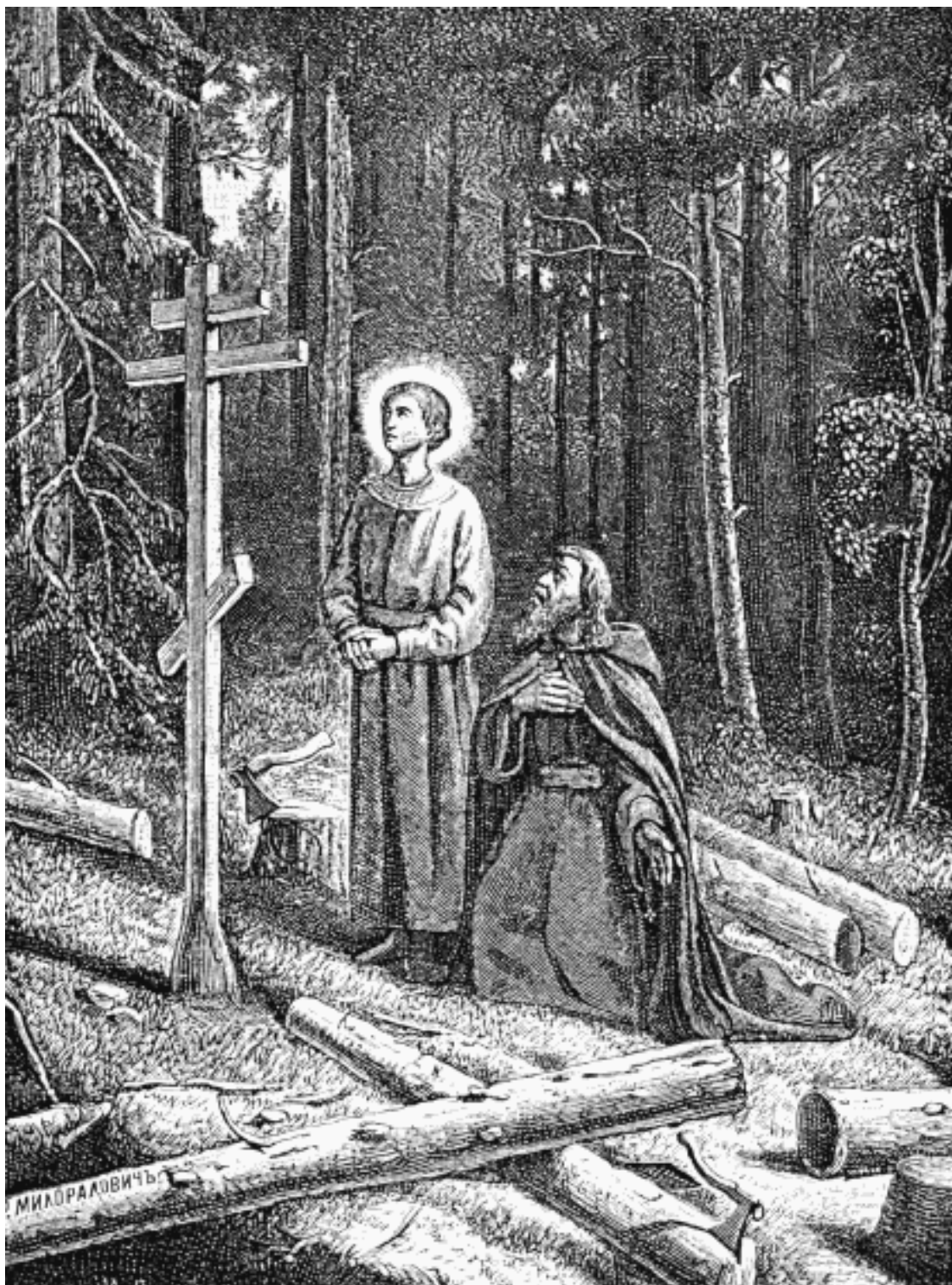
Вздыхнул из глубины сердца юный подвижник и сказал брату: «Ты высказал, господин мой, то самое, что давно было у меня на душе, чего я всем сердцем желал, но не дерзал высказать. Любезно мне слово твое, пусть эта церковь будет освящена во имя Пресвятой Троицы. Ради послушания я вопрошал тебя; не хотелось мне иметь в сем волю свою, и вот Господь не лишил меня желания сердца моего!»

«В сем рассуждении Варфоломея, – замечает один из его жизнеописателей, – открылось его глубокое духовное просвещение: самым наименованием храма он проповедовал всем главнейшую истину христианства – о Триипостасном Божестве».

«Его ум, – говорит святитель Филарет, – устремился тогда к высочайшему Христианскому догмату, дабы привлечь за собой умы даже младенцев веры. Посвятив храм сей имени Пресвятой Троицы, он сделал то, что здесь, в его обители, по самому напоминанию имени храма каждый поклонник богословствует, исповедует и славит Живоначальную Троицу и, богословствуя, приносит свою молитву».

Затем оба брата пошли в Москву, чтобы испросить благословение Всероссийского Митрополита Феофноста на освящение церкви. Святитель милостиво принял просителей и послал с ними священнослужителей, которые взяли с собою святой антиминс с мощами святых мучеников и все потребное для освящения храма. Церковь по желанию братьев была освящена во имя Пресвятой и Живоначальной Троицы. Так скромно, по-пустынному смиренно было положено основание Свято-Троицкой Сергиевой лавры, столько прославленной впоследствии именем Преподобного Сергия! «Справедливо сия церковь, – замечает при сем блаженный Епифаний, – наречена во имя Святой Троицы: она основана благодатию Бога Отца, милостию Сына Божия и поспешением Святаго Духа».

Это произошло в 1340 году, уже при Великом Князе Симеоне Иоанновиче Гордом.

Расчистка лесной чащи и основание лавры

«Какой несказанной радостью радовался юный подвижник наш, когда увидел освященным дом Божий! – говорит святитель Платон. – Теперь оставалось ему и самого себя всецело уготовать в жилище Духа Святаго». И он действительно еще с большей ревностью стал подвизаться в посте и молитве, в трудах и терпении, мира как бы вовсе не было для юного отшельника: он умер для мира, и мир умер для него навсегда.

Не то было со старшим братом. Суровой, неприветливой показалась ему дикая пустыня. Он видел здесь одни труды и лишения. Никаких удобств для безбедного существо-

вания тут не было. Никто не заходил к отшельникам, трудно было достать самое необходимое, на далекое расстояние не было не только сел или дворов, но и пути людского; кругом их убогой келии и церквицы – непроходимая чаща лесная с негостеприимными обитателями – дикими зверями...

Не выдержал Стефан этих скорбей пустынных: он вовсе не был подготовлен к ним предшествующей жизнью; утешаясь семейной жизнью, он, вероятно, не думал не только о пустынных подвигах, но и о монашестве; тяжкое горе, смерть молодой супруги, побудило его удалиться в обитель, как тихую пристань на море житейском; там, быть может, он и окончил бы дни свои, если бы не Варфоломей. Только усердные просьбы любимого брата вызвали его оттуда; и вот лишь только он встретился со всей суровой обстановкой отшельнической жизни, как мужество изменило ему, его стала томить тоска нестерпимая, им овладел дух уныния... Напрасно Варфоломей утешал малодушного, уговаривал, упрашивал вооружиться терпением против этого искушения – хотя не без скорби, Стефан оставил одиноким пустыннолюбного брата и ушел в Москву. Здесь устроил он себе келию в Богоявленском монастыре и стал подвизаться по мере своих сил. По свидетельству блаженного Епифания, который лично знал Стефана, он любил иноческое житие, много трудился и вел строгую жизнь. Ходил он обыкновенно в убогой одежде. В то время в Богоявленском монастыре подвизался еще простым иноком будущий Святитель Всероссийский Алексей. Они духовно полюбили друг друга, рядом всегда стояли в церкви и вместе певали на клиросе. Наставником и руководителем их был старец Геронтий, опытный в жизни духовной. Митрополит Феогност любил Стефана, Геронтия и Алексея и иногда приглашал их к себе для духовных бесед. Сын Калиты, Великий Князь Симеон Иоаннович, также отличал своим вниманием и Стефана и Алексея. По его желанию митрополит Феогност рукоположил Стефана во пресвитера и назначил игуменом Богоявленского монастыря. Великий Князь избрал Стефана в свои духовники. Примеру князя последовали тысяцкий столицы Василий, брат его Феодор и другие знатные бояре. Позднее мы опять встретимся со Стефаном в пустыне Радонежской, хотя уже при других обстоятельствах. Обращаемся к юному Варфоломею.

Хотя и оставил его единоутробный, но на сей раз не единокровный брат, он остался тверд и непоколебим в своем намерении. «Два родных брата, – замечает блаженный Епифаний, – а между тем какая разность в произволении! Оба совещались жить в пустынном уединении, но один из пустыни ушел в городской монастырь, а другой и саму пустыню обратил в город. Что казалось Стефану тяжким и нестерпимым, то было легко и приятно для Варфоломея, которого душа с детства пылала Божественным огнем... И Господь хранил его Своей благодатью среди пустыни, ограждал его Своими Ангелами на всех его путях и, как Сердцеведец, видевший его сердечные расположения, уготовлял в нем начальника многочисленной братии и отца многих обителей».

Глава V

Юный постриженник

Радуйся, юность твою в целомудрии обучивый, Радуйся, яко деву чисту жениху Христу себе обручивый!

Акаф. 2. Ик. 2

Муж разума духовного. Игумен Митрофан. Пострижение в пустынной церкви. Знамение благодати Божией. Инок первый и последний. Прощальная беседа юного инока с Евангельским отцом. Сергей Богомудрый

(1342)

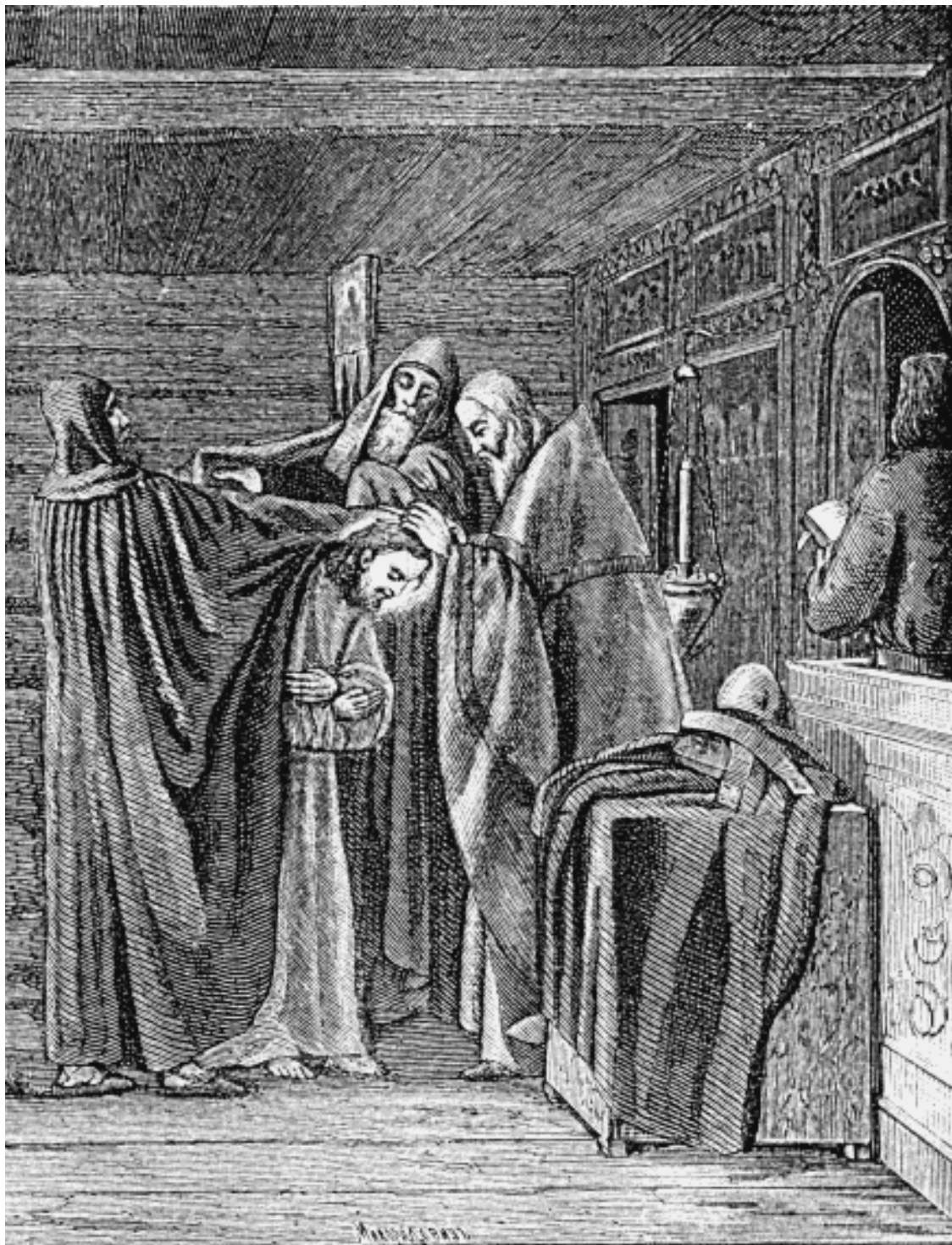
Все поступки Варфоломея, в течение всей его жизни, – говорит святитель Платон, – показывали, что он был муж высокого разума и рассуждения духовного». Рассуждение – дар бесценный, и святые отцы почитают его выше всех добродетелей. По словам преподобного Иоанна Лествичника, «рассуждение... в том состоит и познается, чтобы точно и верно постигать Божественную волю во всякое время, во всяком месте и во всякой вещи. Оно находится в одних только чистых сердцем, телом и устами». Оно рождается от послушания и смирения, после великого подвига в совершенном отсечении своей воли и разума. Тем более достойно удивления, что Варфоломей сподобился сего дара от юности, – так чисто было сердце его, так была смиренна и проста его прекрасная душа!

«Рассуждение в новоначальных есть истинное познание своего устройства душевного», – говорит Лествичник. В испытании самого себя обнаружилось это духовное дарование и в юном Варфоломее. Как ни горячо желал он облечься в ангельский образ, однако не спешил исполнением своего сердечного желания. Он почитал неосновательным делом связать себя обетами монашества прежде, нежели приучит себя к строгому исполнению всех уставов монашеской жизни, ко всем трудам и подвигам не телесного только, но и внутреннего, духовного делания. Только тогда, когда он достаточно испытал себя во всем этом, он стал усердно просить Господа, чтобы удостоил его столь давно желанного ангельского образа.

В одной из обителей близ Радонежа, быть может в том же Хотькове монастыре, жил смиренный старец игумен по имени Митрофан. Неизвестно, когда Варфоломей с ним духовно сблизился; может быть, это произошло еще раньше удаления его в пустыню, может быть даже, что Митрофан изредка посещал Варфоломея в его пустынном уединении и служил для него Божественную литургию в его церкви, – блаженный писатель жития его ничего не говорит об этом. Он говорит только, что подвижник попросил Митрофана прийти к нему в пустыню и несказанно обрадован был его посещением. Он встретил игумена как дорогого гостя, Самим Богом посланного, и усердно просил его пожить с ним сколько-нибудь в его келии. Добрый старец охотно согласился на это, а Варфоломей, взирая с благоговением на добродетельную жизнь его, прилепился к нему всей душой, как к родному отцу.

Спустя немного времени блаженный юноша во смирении склонил главу пред старцем и стал просить его о пострижении. «Отче, – так говорил Варфоломей, – сотвори любовь ради Господа, одень меня в чин иноческий, возлюбил я сей чин от юности моей и с давнего

времени желаю пострижения. Только воля родителей моих долго меня от этого удерживала, но теперь, слава Богу, я от всего свободен и, как олень, жаждущий источников водных, всей душой жажду иноческого пустынного жития».

Пострижение двадцатитрехлетнего Варфоломея

Не стал противоречить старец игумен его благочестивому желанию; он пошел немедленно в свой монастырь, взял там нескольких из братий и все, что нужно было для пострижения, и возвратился к отшельнику. 7 октября 1342 года в убогой церкви пустытника совершилось пострижение двадцатитрехлетнего юноши. В сей день Святая Церковь празднует

память святых мучеников Сергия и Вакха, по обычаю того времени, Варфоломею и было дано имя *Сергий*.

Окончив обряд пострижения, Митрофан совершил Божественную литургию и приобрел нового инока Святых Христовых Таин. И исполнился благодати Святаго Духа новопостриженный, и повеяло в церкви неизреченным благоуханием, и распространилось это дивное благоухание даже за стенами храма пустынного... Так рассказывали о сем впоследствии сами свидетели этого чуда, прославляя Бога, прославляющего угодников Своих.

«И был Сергий первый постриженник своей уединенной обители, первый начинанием и последний мудрованием, первый по счету и последний по тем смиренным трудам, которые сам на себя возлагал; можно даже сказать, что он был и первый и в то же время последний, потому что хотя и многие после него в той же самой церкви принимали пострижение, но ни один не достиг меры его духовного возраста. Многие так же начинали подвиг, но далеко не все так и оканчивали; много было у Сергия учеников, много подвизалось и после него в его обители добрых иноков, но никто не мог сравниться с ним, для всех и навсегда он остался образцом совершенства иноческого! С пострижением он не только отлагал власы главы своей, но с отнятием власов отсекал навсегда и всякое свое хотение; свлекаясь мирских одежд, он в то же время слекался и ветхого человека, чтобы облечься в нового, ходящего в правде и преподобии истины; препоясывая чресла свои, он уготовлял себя к мужественному подвигу духовному; отрекаясь от всего, что в мире, он, как бы обновляемый юностью орлею, возлетал на высоту созерцаний духовных...»

Так рассуждает о своем великом учителе его достойный ученик, преподобный Епифаний, а кто лучше и ближе его мог оценить подвиги его возлюбленного аввы?

Семь дней провел новопостриженный Сергий неисходно в своей церкви; каждый день старец игумен совершал Божественную литургию и приобщал его Святых Христовых Таин, и во все эти семь дней Сергий ничего не вкушал, кроме просфоры, даваемой ему от постригавшего. Чтобы сохранить бодрым и неразвлеченным ум свой, Сергий уклонялся от всякого поделия; с его уст не сходили псалмы и песни духовные; утешая ими себя, он славословил Бога и взывал к Нему из глубины сердца благодарного: *«Господи, возлюбих благолепие дому Твоего и место селения славы Твоея... (Пс 25:8) дому Твоему подобает святыня, Господи, в долготу дний (Пс 92:5). Коль возлюбленна селения Твоя, Господи сил! Желает и скончается душа моя во дворы Господни: сердце мое и плоть моя возрадовастся о Боже живе. Ибо птица – душа моя – обрете себе хramину, и горлица гнездо себе, идеже положит птенцы своя... Блажени живущии в дому Твоем: во веки веков восхвалят Тя! (Пс 83:2–5). Яко лучше день един во дворах Твоих паче тысяч: изволих приметися в дому Бога моего паче, неже жити ми в селениях грешнических (Пс 83:11)»*. Так ликовала тогда душа Сергиева и горела божественным огнем!

Мир не знает и не может знать тех благодатных утешений, какие ниспосылаются от Бога трудникам спасения. Мир видит только жестокость и тесноту пути иноческого и, не желая расстаться с своим широким путем, отвращается подвига монашеского, называя его бесполезным, неразумным, даже преступным самоистязанием... Не будем говорить ему о том, что ему неудобопонятно: слепому бесполезно говорить о красоте цветов, но пусть бы мир внимательнее присмотрелся хотя только к плодам подвигов иноческих, и тогда бы он познал их великую силу в жизни нравственной и не стал бы называть их бесполезным упражнением... «О вы, – так взывал некогда Московский святитель Платон, – о вы, коих мысль помрачена и сердце расслаблено! Придите и посмотрите на угодника Божия Преподобного Сергия! Что ж? Разве напрасно он столько в подвиге добродетели трудов употреблял? Разве тщетны были те слезы, тот пот, которые он проливал и ими напоевал насажденное в душе своей Божественное семя? О – нет! Вот сколько веков прошло, а имя его все так же любезно в устах наших, память его благословенна и следы жизни его святой достопочтенны». Почему?

Потому, что при содействии благодати Божией его подвиги преобразили всю нравственную природу его и возвратили ему первобытную чистоту и невинность, вечное блаженство и высокое Богоподобное достоинство – все то, что потеряно было первым Адамом и куплено для всех нас бесценной кровью второго Адама – Господа Иисуса!

Семь дней протекли как один день, настало время Сергию расстаться со старцем игуменом.

– Вот, отче, – с тихой грустью сказал тогда юный инок своему отцу евангельскому, – ты уже уходишь и оставляешь меня одиноким в этой безлюдной пустыне... Давно я желал уединиться и всегда просил о том Господа, вспоминая слова пророка: *«Се удалихся бега, и водворихся в пустыни...»* И благословен Бог, не оставивший без исполнения молитвы моей; благодарю Его благодать, что не лишил меня этой милости – жить в пустыне и безмолвствовать... Ты уходишь отсюда, отче, благослови же меня, смиренного, и помолись о моем уединении... Вразуми меня, как мне жить теперь в одиночестве, как Господу Богу молиться, как избегать вреда душевного, как противиться врагу и помыслам гордыни, от него всеваемым... Ведь я еще новоначальный инок, я должен во всем просить совета у тебя!

Подивился старец смиренномудрию своего новопостриженника. «Меня ли, грешного, вопрошаешь о том, что сам не хуже меня знаешь, о честная глава! – сказал Митрофан. – Ты уже приучил себя ко всякому подвигу, мне остается только пожелать, чтобы Господь Сам вразумил тебя и привел в совершенную меру возраста духовного».

Прощание Сергия с игуменом

Старец побеседовал с ним еще немного о разных случаях в жизни духовной и собрался в путь. Сергей припал к стопам его и еще раз, на прощание, просил благословить его и помолиться за него. «Молись, молись, отче, – говорил он, – чтобы Господь послал мне силы противустать брани плотской и искушениям бесовским, чтоб сохранил Он меня и от лютых зверей среди моих пустынных трудов».

– Благословен Бог, – сказал ему старец, и крепкая вера слышалась в его речах, – Он не попускает нам искушений выше сил наших; Апостол говорит за всех нас: *«Вся могу о укрепляющем мя Господе Иисусе»*. Отходя отсюда, я предаю тебя в руки Божии, Бог будет тебе прибежище и сила. Он поможет тебе устоять против козней вражеских. Господь любит тех, кто благоугождает Ему, Он сохранит и твое вхождение отныне и до века.

В заключение своей беседы Митрофан сказал Сергию, что на месте его пустынножительства распространит Господь обитель великую и именитую, из которой пронесется слава имени Божия далеко во все стороны. Потом он сотворил краткую молитву, благословил своего постриженника и удалился.

И остался Сергей один в своей излюбленной пустыне, остался без предшественника и сподвижника, без наставника и без помощника, с единым Богом вездесущим и никогда не оставляющим тех, которые для Него все оставили... Чиста и светла была его добрая душа, проста и открыта благодати Божией, и Бог тайными внушениями Своей благодати Сам руководил молодого подвижника в его борьбе с искушениями, которые, по плану Божественного домостроительства нашего спасения, неизбежны и для самых чистых душ... И поистине Сергей явился мужем *Богомудрым*, как именует его Святая Церковь; проходя путем древних Святых Отцев-пустынников, первоначальников жития монашеского, он, подобно им, был умудряем не столько от людей, сколько от Бога Самого, и, обогатившись сим небесным сокровищем мудрости Божественной, умудрял потом и других во спасение.

Глава VI Наедине с богом

Радуйся, вся плотския похоти Бога ради умертвивый, Радуйся, многообразныя козни лукаваго силою Божию победивый!

Акаф. 1. Ик. 3

Радуся, Онуфрию Великому подражавый житием в пустыне, Радуйся, Паисию последовавый в вечной святыне.

Акаф. 2. Ик. 5

Неведомые миру подвиги пустынника. Три врага – плоть, мир и диавол. Тяжесть борьбы. Правила Василия Великого для отшельников. Терпение Сергиево. Страхования и привидения. Угрозы бессильного. Козни «коварного старца». Хищные звери. Странноприимство пустынника. Черта образа Божия. Вторая половина великой Христовой заповеди

(1340–1342)

Прости нас, Преподобне отче Сергие, если мы дерзнем теперь мысленно войти в твою пустынную, убогую келию, чтобы грешным умом своим проникнуть в сокровенное святыни твоей души и тешить себя созерцанием незримых миру твоих подвигов! Ведаем, преблаженне и богомудре, что недостойны мы сего дивного созерцания, что мало способны к тому и наши сердечные очи, страстями омраченные, но, взирая на твою Христоподрожательную любовь, уповаем, что ты, благоволивший в назидание присных учеников твоих поведать им многое от того, чему был один Бог Сердцеведец свидетелем в пустынном житии твоём, – ты, любвеобильный отче, не изгонишь и нас, желающих собрать некие крупички сего брашна духовного, оставшиеся от трапезы учеников твоих, во утоление наших алчущих душ!

«Вот он, – скажем словами приснопамятного святителя Платона, – вот он, подвижник наш, в сладком своём уединении, в убогой, но спокойной келии очи свои возводит всегда к Живущему на небесах, – очи, исполненные слезами покаяния... Мысль его беседует с Богом; язык прославляет Владыку всех; его сердце – жилище всякой добродетели, а потому и Духа Святаго; руки же его служат его требованиям телесным... Он далек от всякой суеты и от соблазнов мира, работает Господу *со страхом и... трепетом* (Пс 2:11), работает в приятном уединении, в сладкой тишине, имея всегда ничем не смущаемые мысли, не обремененный заботами рассудок и спокойный дух... О дражайшее и любезное состояние!»

Но прежде нежели Сергей достиг сего блаженного состояния, прежде чем вкусил он сладость пустыни, сколько браней должен был претерпеть он, сколько борьбы вынести! «Кто может поведать, – говорит его блаженный ученик Епифаний, – все уединенные подвиги сей твердой души, неусыпно соблюдавшей все требования устава подвижнического? Кто изощтет его теплые слезы и воздыхания к Богу, его стенания молитвенные и плач сердечный, его бдения и ночи бессонные, продолжительные стояния и повержение себя на землю пред Господом? Кто сочтет его коленопреклонения и земные поклоны, кто расскажет о его алка-

нии и жажде, о скудости и недостатках во всем, об искушениях от врага и страхованиях пустынных?»

Силен Бог и всегда готов на помощь призывающим Его. «Но испытавшие знают, – говорит святитель Филарет, митрополит Московский, – каким трудностям подвержена иноческая жизнь в совершенном уединении». Эти трудности столь велики, что не испытавшие их с трудом верят повествователю о них, а иногда и вовсе не верят, потому что в таком повествовании пред ними открывается совершенно иной мир, миру грешному вовсе неведомый...

Чтобы легче представить себе всю тяжесть отшельнического подвига Преподобного Сергия, наметим здесь кратко, в общих чертах, трудности этого подвига, как изображают их люди, опытом прошедшие сим тесным и многоскорбным путем.

Радостно вступает в свой подвиг отшельник пустынный: никто не понуждал его к тому, горячая ревность к подвижничеству увлекала его в пустыню.

Все скорби и лишения для него вожделенны, его молитва изливается в слезах, он весь горит пламенным желанием Божественным... Так бывает в начале подвига, но вот первый восторг проходит; дни, когда сердце полно горячей ревности и умиления, при которых так легки подвиги самоумерщвления, сменяются днями сухости душевной, тоски невыносимой, мысли не покоряются разуму и бродят повсюду, молитва не действует в сердце, сердце ноет, душа рвется бежать из-под креста и становится холодна ко всему духовному... А тут еще голод и жажда, холод, опасение за жизнь со стороны диких животных или от скудости и беспомощности и общее расслабление души и тела... Даже невинные по-видимому отдохновение и естественный сон и те становятся врагами подвижника, с которыми он должен сражаться!.. А мир между тем манит его к себе воспоминаниями прошлого, ведь там ему так тепло и уютно жилось, ни в чем он такой, как теперь, нужды не терпел; ведь и там можно спастись, зачем же этот подвиг выше сил? Зачем эта страшная пустыня со всеми ее лишениями?.. Идти бы в обитель какую-нибудь, где добрые братия разделяли бы с ним скорби его, помогали бы ему в борьбе с врагами и добрым советом, и братскою молитвой... Так мир и плоть пристают к отшельнику со своими требованиями, не говорим уже о грешных движениях сердца, когда, точно буря, поднимаются страстные порывы и гонят пустытника в мир, сжигая его внутренним пламенем... И если бы не благодать Божия, по временам утешающая подвижника своими прикосновениями к его страждущему сердцу, если бы не сила Христова, в немощи совершающаяся, то никто из пустытников не устоял бы в этой тяжелой, непосильной для человека борьбе. Но и это еще не все трудности пустынного жития. Уже и в то время, когда благодатные утешения изливаются в душу отшельника, в его сердце стремятся проникнуть помыслы услаждения подвигами, помыслы гордости, доводящей иногда неосторожных подвижников до грубого падения или до помрачения ума. Таким образом, для ревнителя жизни духовной, по мере преспеяния в ней, открывается борьба уже не к плоти и крови, а к духам злобы поднебесным. «Как скоро, – говорит святитель Филарет, – сии невидимые враги примечают, что человек, оставив мир и презрев плоть, все более и более усиливается проникнуть в область духовную, к общению с небесными Силами и Самим Богом: тогда, чтобы воспрепятствовать ему, с неимоверною дерзостью на него устремляются, так что не только издали пускают в него разжженные стрелы противных помыслов, но, так сказать, вторгаясь и в пределы его воображения и чувств, представляют ему странные образы и нелепые мечтания». Иногда мечтания бывают направлены к тому, чтобы прельстить подвижника ложным мнением о своей святости, вот тогда-то и нужно труднику спасения ограждать себя отовсюду Христоподрожательным смирением, по слову Христову, быть мудрым яко змию, дабы не погибнуть от хитрости змия, исконного человекоубийцы – диавола.

Святые Отцы-подвижники, наученные опытом своей труженической жизни, оставили нам в своих писаниях богомудрые правила этой борьбы, этого великого подвига, – правила, составляющие «науку из наук» – науку монашеской жизни. Вот, например, правила общего

наставника иноческой жизни святителя Василия Великого для подвижающихся в пустынном уединении. Наставлениями сими руководствовался, конечно, и наш подвижник Преподобный Сергей. 1. Люби слушать или читать слово Божие, жития и поучения святых: в них найдешь правила и примеры святой, угодной Господу Богу жизни. 2. Непрестанно смотри за собой, каждый вечер рассматривай свои мысли и желания, какие в тебе возникли, слова, какие ты сказал, и дела, какие ты сделал в продолжение дня, и усердно молись Богу о прощении всего, что сделано против Его заповедей, и всячески спеши исправиться. Каждое утро после молитвы прилежно обдумывай свое положение в наступающий день и бери надежные меры, чтобы не согрешить. 3. Как можно чаще, внимательнее и дольше размышляй о смерти, о том, что она неизбежна, неожиданна, что земные блага негодны для будущей жизни, размышляй о Втором пришествии Господа на суд миру, о мучениях грешных и блаженстве праведных. 4. Люби молитву и постоянно ею занимайся. 5. Люби пост, потому что без него нельзя избежать худых помыслов, а за помыслами – и худых дел. 6. Где бы ты ни был, что бы ни делал, всегда твердо помни, что Господь смотрит на тебя и видит все, что ты думаешь, чего желаешь и что делаешь. 7. Соображай все свои мысли и желания, слова и дела с Христовым Евангелием, строжайше исполняй все заповеди Христовы и будь весь Христов. Чтобы возлюбить Бога, чаще размышляй о величии Божиим, о Его благодати, о своем ничтожестве и греховности. Святую память о Боге носи всюду с собой, как неизгладимую печать.

Таков многотрудный подвиг отшельника. С веселием вступил Сергей в сей узкий путь, чтобы достигнуть безмятежной страны бесстрастия. Подвизаться противу плоти с ее страстями и пожеланиями он обучил себя еще задолго до удаления в пустыню, и потому в пустынножительстве его видны были, как знамения непрестанных побед над самим собой, долговременные пощения и другие высокие подвиги. Возвышая дух свой Богомыслием, он укреплял и тело свое неустанными трудами. «Не туне вкушал он хлеб свой», как говорит святитель Платон, но снедал его в поте лица. В зимнее время, когда самая земля расседалась от жестоких морозов, Сергей, точно бесплотный, оставался в одной обычной своей одежде и, претерпевая стужу, думал только о том, как избежать будущего огня вечного. «Никогда во всю свою жизнь он ни на что не жаловался, ни на что не роптал, не унывал, не скорбел: нет! он всегда и всем был доволен, при всех своих недостатках и нуждах; во всем был спокоен, при всех искушениях и скорбях человеческих». Поистине он мог с дерзновением повторить слово Апостола: *мне мир распяся, и аз миру* (Гал 6:14); благодатию Божиею я так живу, как бы не имел ничего общего с миром. Это был истинный воин Христа Бога, облеченный во все оружия Божии противу всех слабостей человеческих и искушений бесовских.

Особенно много скорбей и искушений претерпел он от бесов в самом начале своего пустынного подвига. Невидимые враги нередко принимали видимый образ страшных зверей и отвратительных гадов, чтобы утратить подвижника. С пронзительным свистом и зверской свирепостью, со страшным скрежетанием зубов устремлялись они на Сергия, но мужественный подвижник не боялся их суетных угроз, вспоминая слово Писания: *не убоишися от страха ночного, от стрелы летящая во дни, от вещи, во тьме преходящая, от сряща и беса полуденного* (Пс 90:5–6). Пользуясь частым чтением душеполезных книг, знал он искусство духовной брани, которому один из опытных духовных воинов, преподобный Иоанн Лествичник, поучает, говоря: «Вооружайся молитвою... и бей супостатов именем Иисусовым», и тогда придет к тебе Ангел Божий, добрый хранитель твой, и помолится с тобой. Крепкой, но смиренной, нерассеянной и слезной молитвой Преподобный Сергей разрушал пустынные страхи и мечтания, как тонкую паутину. И Господь хранил его Своею благодатию, а он, видя над собою покрывающую руку Божию, день и ночь прославлял Господа, не оставляющего *жезла грешных на жребий праведных* (Пс 124:3).

Рассказывал впоследствии сам Преподобный своим ученикам: однажды ночью вошел он в уединенную церковь свою, чтобы петь утрению, но лишь только он начал молитвосло-

вие, как вдруг пред его взорами расступилась стена церковная, и в это отверстие, как тать и разбойник, не входящий дверьми, вошел сатана видимым образом; его сопровождал целый полк бесовский – все в остроконечных шапках и в одеждах литовцев, которых тогда боялись на Руси не меньше татар. С шумом и дикими воплями, скрежеща зубами от адской злобы, мнимые литовцы бросились как бы разорвать церковь, пламенем дышали их богохульные уста...

– Уходи, уходи отсюда, беги скорее, – кричали они подвижнику. – Не смей долее оставаться на этом месте, не мы на тебя наступили – ты сам нашел на нас! Если не уйдешь отсюда, мы разорвем тебя на части, и ты умрешь в наших руках.

«Таков обычай у дьявола, – замечает при сем блаженный Епифаний, быть может повторяя поучительное замечание своего великого аввы, – таков обычай у бессильного врага: он гордо хвалится и грозит поколебать землю и иссушить море, хотя сам по себе не имеет власти, падший дух, даже и над свиньями (Мф 8:31–32)».

Нимало не смутился духом Сергей от этих бессильных угроз, только еще крепче, еще пламеннее стала восходить к Богу его смиренная молитва. *«Боже, – взывал он словами псалмопевца, – кто уподобится Тебе? Не премолчи, ниже укроти, Боже. Яко се врази Твои возшумеша (Пс 82:2–3). Да воскреснет Бог и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его. Яко исчезает дым, да исчезнут, яко тает воск от лица огня, тако да погибнут грешницы от лица Божия!» (Пс 67:2–3).* И не вынесли падшие духи пламени молитвы Сергиевой и исчезли так же внезапно, как и явились.

В другое время вся келия перед взорами Преподобного наполнилась отвратительными змиями, так что не видно было и пола. Еще раз, когда Преподобный читал в пустынной хижине ночное свое правило, вдруг пронесся шум по чаще лесной и кругом его келии слышались бесчинные крики бесовских полчищ: «Уходи же отсюда! Зачем пришел ты в эту глушь лесную, что хочешь найти тут? Нет, не надейся дольше здесь жить – тебе и часа тут не провести; видишь – место пустое и непроходимое, как же ты не боишься умереть тут с голоду или погибнуть от рук душегубцев-разбойников? Найдет тогда кто-нибудь труп твой и скажет: «Вот был бесполезный человек!» Да и звери хищные бродят вокруг тебя в пустыне, готовые растерзать тебя, и мы не оставим тебя в покое, не думай, чтобы мы уступили тебе это место, искони пустынное. Итак, если не хочешь умереть внезапной смертью, то беги отсюда, беги теперь же, не озираясь ни направо ни налево, иначе смерть тебе и гибель от руки нашей!»

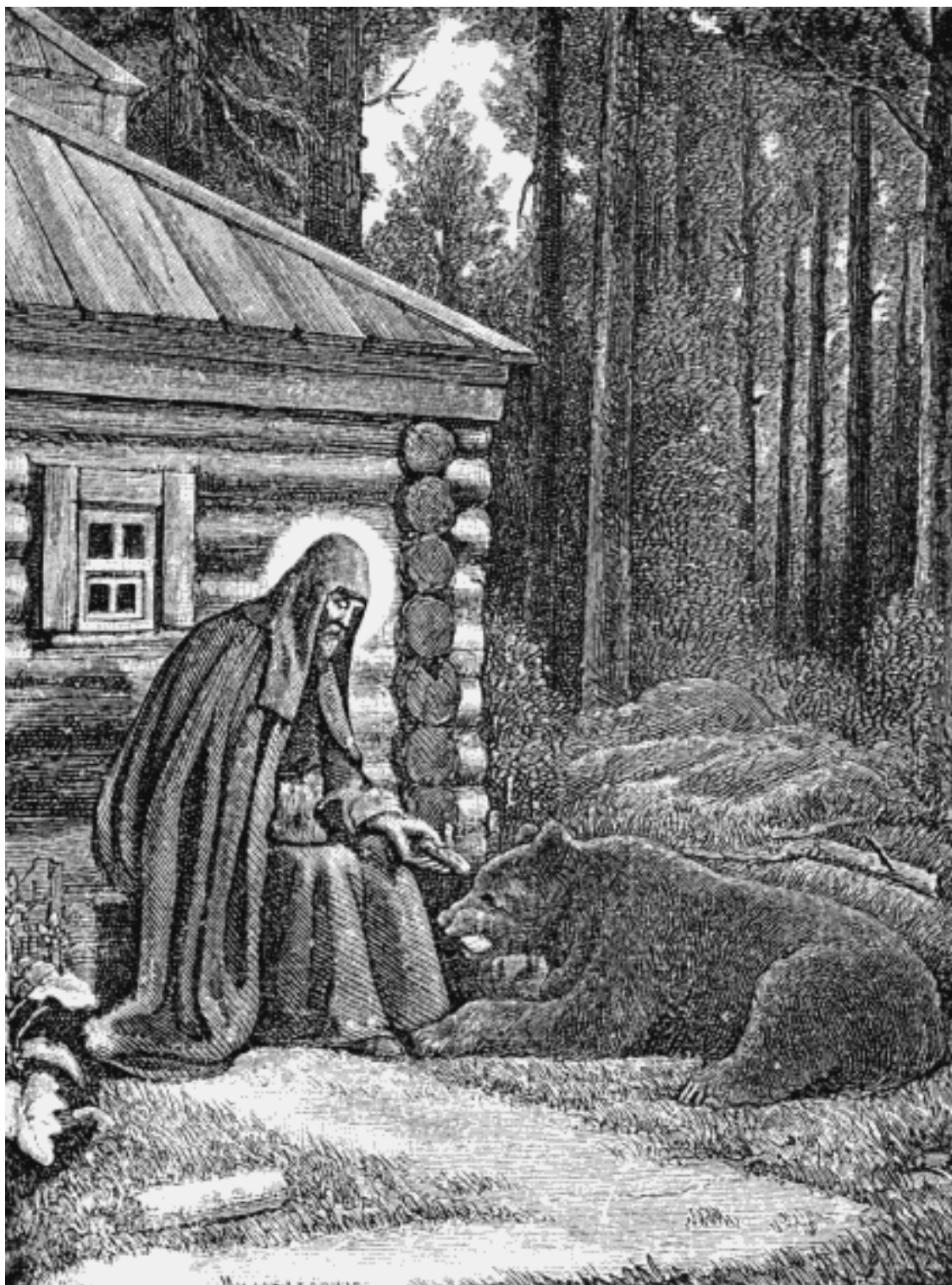
И снова Преподобный возопил к Богу в слезной молитве, и опять Божественная сила приосенила его – и рассеялось полчище бесовское. А сердце подвижника исполнилось несказанной сладости духовной, и он уразумел, что отныне дана ему навсегда победная власть *наступати... на всю силу вражию (Лк 10:19)*; и воспел он тогда, ликуя духом, как новый Моисей, благодарственную хвалу Господу словами Святого Писания: «Благодарю Тебя, Господи, – взывал он из глубины благодарного сердца, – Ты не оставил меня, но скоро услышал и помиловал!.. Ты сотворил со мной знамение во благо, и видят ненавидящие меня и постыждаются, ибо Ты, Господи, помог мне и утешил меня. Десница Твоя, Господи, прославилась в крепости; десная рука Твоя сокрушила врагов моих и державною крепостию Твоею истребила их до конца!»

Из приведенных рассказов самого угодника Божия, записанных его учеником, можно видеть, с каким ожесточенным упорством ополчалась на него мрачная область духа тьмы в начале его подвига. Преподобный Епифаний замечает, что «враг боялся, как бы на пустынном месте не возникла священная обитель иноков к прославлению имени Божия и спасению многих, он хотел прогнать Преподобного, завидуя спасению не его только, но и нашему», – говорит ученик Сергиев. Итак, сатана, этот «коварный старец», как называет его преподобный Варсонофий Великий, наученный тысячелетним опытом борьбы с христианскими

подвижниками, видел, с каким мужем силы имеет дело, и потому все свои усилия направлял к тому, чтобы остановить подвижника в самом начале его подвига: впоследствии он не надеялся победить смиренного Сергия. Но что все козни сатаны противу благодати Христовой? Что все усилия бессильного в своей злобе врага противу силы Божией? Мы знаем, что Сергий вышел победителем из этой борьбы и основал свою Радонежскую лавру, которая стала матерью многих обителей и в пустынях и городах обширной Русской земли!

Мы уже говорили, что бесы нередко являлись Преподобному в виде диких зверей и разных чудовищ, готовых его растерзать; после таких привидений страх настоящих зверей пустынных был для него уже «последним из страхов». Стаи голодных волков рыскали около его жилища и были по целым ночам, зловещим огнем горели в темном лесу их страшные глаза вокруг уединенной келии; иногда заходили сюда и другие, более страшные обитатели пустынных лесов – медведи. По немощи человеческой невольный страх на минуту овладевал сердцем пустытника при мысли о его беспомощном одиночестве, но он тотчас же ограждал себя молитвою, и этот страх переходил на самих зверей, которые удалялись в глубину дебрей лесных, не сделав ему никакого вреда.

Раз угодник Божий увидел перед своей хижинкой большого медведя и, примечая, что он не столько свиреп, сколько голоден, сжалился над зверем, пошел в свою келию, взял там кусок хлеба и предложил медведю этот пустынный обед на пне или колоде. Зверь полюбил странноприимство пустытника и часто, приходя к келии, ожидал обычного угощения и с лаской посматривал на подвижника. Иногда лесной гость долго не уходил, озираясь по сторонам, «точно злой заимодавец, желающий настойчиво получить свой долг. А Преподобный благодарил Бога, что послал ему лютого зверя на утешение», и, памятуя слово Писания: «Блажен иже и скоты милует», привык миловать зверя; он делил с ним последний кусок, а иногда и весь отдавал своему пустынному сожителю, как не разумеющему поста, а сам оставался без пищи. Кроме хлеба, у него в келии не было никакой иной пищи, да часто случалось, что и хлеба недоставало. Можно думать, что хлеб доставлял ему время от времени младший брат его Петр, живший в Радонеже. Так упражнял себя угодник Божий в отречении от самых необходимых потребностей, «а может быть, – говорит святитель Филарет, – в сем мирном обращении с свирепой тварью с назиданием души своей, созерцал он следы первоначального повиновения всех тварей невинному человеку». За то и неразумная тварь повиновалась ему, и дикий зверь сделался до того ручным, что слушался его слова и был кроток пред ним, как овца.

Странноприимство Преподобного Сергия

«Чего не может сделать добродетель? – рассуждает святитель Платон. – Думаю, что дикие звери ныне стали свирепы от жестокости наших нравов; а любовь и добродетель могут эту свирепость преложить в кротость и покорность». Все одушевленные создания Божии ясно видели в первом человеке светлый образ Божий, и самые лютые звери, по выражению одного святого отца, ощущая дивное благоухание сего образа, смиренно склоняли свою голову пред Адамом. Человек повиновался Богу – и все земные твари повиновались человеку, почитая в нем образ Божий. Согрешил человек, помрачился в нем образ Божий – и нера-

зумные твари не стали уже узнавать его. Не послушался человек заповеди Божией – перестали и ему повиноваться твари земные. Зловоние страстей заменило благоухание образа Божия, и сам человек уподобился скотам несмысленным. И вот грешный, бранный человек трепещет и страшится тех зверей, которые некогда были покорены под ноги его. Его непослушание Богу наказано непослушанием тварей земных ему самому! А святые Божии своей дивной жизнью, своим неуклонным послушанием заповедям Божиим, своим святым смирением, при содействии благодати Божией, восстановили в себе образ Божий, и он просиял в них с первобытной чистотой и светлостью. Ощутили его благоухание и неразумные твари, и лютые звери – грозные враги грешного человечества – стали послушны им, как кроткие агнцы. Так власть, утраченная Адамом, возвращена его святым потомкам! Вот внутренний, глубокий смысл этого удивительного для нас, грешных, послушания свирепых неразумных тварей святым Божиим, о чем так часто встречаются рассказы в житиях святых подвижников и в страданиях святых мучеников, о чем читаем и в житии нашего подвижника, Богомудрого Сергия. Но обращаемся к рассказу о его пустынном подвиге.

«Не было места унынию в мужественном сердце Сергия, – говорит преподобный Епифаний, – с радостью принимал он все скорби как бы от руки Божией; искушаемый, как золото в огне, он восходил от силы в силу; крепкий верою в Бога, он столь же крепко и уповал на Бога, по слову Писания: *праведный же яко лев уповая* (Притч 28:1), и: *надеющийся на Господа, яко гора Сион: не подвижится в век...* (Пс 124:1). Оттого и слышал он в своем чистом и богопреданном сердце великое слово обетования: *«С ним есмь в скорби, изму его и прославлю его, долготою дней исполню его и явлю ему спасение Мое»* (Пс 90:15–16). Равнодушный к своему спасению не может иметь такого упования – его носит в своем сердце только тот, кто во всем предал себя Богу и всем существом своим устремился к Нему единому, по выражению Давида: *“...исчезосте очи мои, от еже уповати ми на Бога моего”* (Пс 68:4)».

Наконец пришло время, когда Господу было благоугодно поставить сей благодатный светильник на свещник, чтобы он светил из своей пустыни всей православной России, чтобы от его света зажгли свой свет и другие светильники и разнесли сей свет по лицу родной земли. Своим пустынным подвигом Сергей исполнил во всей широте первую половину великой заповеди Божией о любви: *возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею мыслию твоею* (Мф 22:37); оставалось – и теперь Господь призывал его – исполнить в такой же полноте и вторую половину сей заповеди: *возлюбиши искренняго твоего яко сам себе* (Мф 22:39). Смирненно трудился он в пустыне для Господа – настало время столь же смирненно послужить и ближнему ради Господа. И смиренный послушник воли Божией не отрекся возложить на себя тяготу чужую, по слову Апостола: *«друг друга тяготы носите* (Гал 6:2), *не своих си кийждо, но и дружних кийждо смотрите»* (Флп 2:4).

Глава VII

Первые сподвижники

*Радуйся, светильниче, елеем милости кипящий, Радуйся, на
свещнице славы небесныя горящий!*

Акаф. 2. Ик. 12

Радуйся, крине райскаго прозябения!

Акаф. 1. Ик. 7

Радуйся, притекающих к тебе спасения ходатай!

Ик. Минен

**Благоуханный цветок. Молва народная о пустыннике Радонежском.
Первые пришельцы. Благодатное слово подвижника. Обитель
двунадесяти. Пустынные порядки. Игумен Митрофан.
Несбывшаяся надежда Сергия. Первый всем слуга. Стефан
возвращается к Сергию. Двенадцатилетний постриженник**

(1349–1354)

Не может град укрытись верху горы стоя (Мф 5:14). Нельзя скрыть цветка благоухающего и в дикой траве: его найдут по запаху, по благоуханию; так же не мог укрыться и Сергей в дремучем лесу, в любезном своем одиночестве. Далеко разносилось благоухание его жизни святой, и слышали, сердцем ощутили это благоухание люди, имевшие, по выражению святителя Филарета, «очищенное чувство духовное или, по крайней мере, ищущие очищения». А скорбные обстоятельства того времени, о которых мы уже говорили в III главе, еще более располагали таких людей бежать из мира в дебри пустынные; благо, там нашелся благодатный муж, способный утолить жажду души, зажечь и поддержать в ней тот огонек, при свете и теплоте которого легко несется всякое бремя жизни и становится легким благое иго Христово.

Не больше двух-трех лет прошло со времени его поселения в глухих лесах Радонежских, как в Радонеже и соседних селениях заговорили о молодом пустыннике. «Одни, — пишет Пахомий Логофет, — говорили о его строгом воздержании, трудолюбии и других подвигах; другие удивлялись его простоте и незлобию; иные рассказывали о его власти над духами злыми; а некоторые благоговели пред его дивным смирением и чистотою душевною». И вот один за другим стали приходить к нему сначала ради душеполезной беседы и совета духовного, в чем любвеобильный пустынник им не отказывал, а потом нашлись желающие и жить близ него. Иногда приходили по два, по три человека и, припадая к стопам его, умоляли, чтобы позволил им поселиться тут.

Жаль было пустыннолюбному Сергию расставаться с своим уединением; притом он опасался, чтобы суровая пустыня не разочаровала его сподвижников, чтобы не пришлось им уйти отсюда с роптанием, подобно тем малодушным ученикам Христовым, которые говорили: «*Жестоко есть слово сие, кто может его послушати?*» (Ин 6:60). И он сначала не соглашался принимать их, представляя им все трудности пустынного жития.

– Можете ли терпеть скудость этого места? – говорил Сергей. – Вас ждут здесь и голод, и жажда, и всякие недостатки.

– Все готовы мы понести, честный отче, – отвечали пришельцы, – все понесем при помощи Божией за твои святые молитвы; только об одном просим: не удаляй нас от себя, не гони прочь от этого святого и достолюбезного места.

Тронулось доброе сердце подвижника – он, видя их благое произволение и крепкую веру в помощь Божию и памятуя слово Спасителя: *грядущаго ко Мне не изжгнет вон* (Ин 6:37), решился принять их. Но, опытом изведавший всю трудность одиночества, он предупреждал их о пустынных скорбях и укреплял заранее к подвигу терпения. «Желал я, братия мои, – так говорил он, – один скончать в пустыне свою одинокую жизнь, но Господь сказал: *«Идеже бо еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их»* (Мф 18:20), и Давид поет в псалмах: *«Се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе?»* (Пс 132:1); посему и я, грешный, не хочу идти против воли Господа, Которому угодно устроить здесь обитель. С радостью я принимаю вас, стройте каждый себе келию, но да будет вам известно, что если вы пришли сюда действительно работать Господу и если хотите здесь со мною жить, то должны быть готовы терпеть всякую нужду и печаль, ибо сказано в Писании: *аще приступаеши работати Господеви Богу, уготови душу твою во искушение* (Сир 2:1); с нуждею Царствие Божие восприимется!.. Да не устрасит вас помысл, что места сии пустыньны и скудны потребным для жизни: сами знаете, что *многими скорбми подобает нам внити в Царствие Божие* (Деян 14:22). Узок и прискорбен путь, вводящий в жизнь вечную, и много званых, а мало избранных и спасающихся! Но не бойся, малое стадо Христово, которому Господь обетовал Царство Отца Своего: Господь не попустит нам искушений выше сил наших. Ныне печалью Господь посетит нас, а завтра печаль нашу в радость претворит, и никто этой радости не отнимет от нас! Дерзайте же, дерзайте, люди Божии, ибо Тот, Кто призвал вас на место сие, – Он Сам победит и врагов наших, как Бог Всесильный!»

И много других слов утешения слышали пришельцы от любвеобильного подвижника, и можно ли было не привязаться к нему всей душой? Можно ли было еще колебаться в сомнениях и страшиться подвигов пустынного жития? С таким наставником можно все понести, все вытерпеть; тоска ли сдавит сердце твое, или уныние овладеет душой, враг ли навеет помыслы греховные, или страсти поднимут в сердце свои змеиные головы – не медли, иди скорее к любящему и горячо любимому наставнику, с детской простотой открой пред ним все сердце свое, поведай, что томит тебя, пожалуйся ему на себя самого, как дитя жалуется нежной матери на своего обидчика, и верь – он скажет тебе в утешение иногда только два-три слова, но зато какие это чудные, теплые, благодатные слова! Они прольют мир в душу твою, согреют ее такой любовью, какой только мать согревает грудное дитя, – и все пройдет, как рукой снимет, и станет на душе так тихо, ясно и тепло...

Пребывающие в братию

И стали пришельцы строить себе хижины около уединенной келии Сергиевой, и с детской любовью начали учиться у него пустынным подвигам. Не более двенадцати братьев собралось вначале около Сергия; и это число долгое время оставалось неизменным — когда убывал один, приходил другой на его место, так что это некоторым подавало мысль: не по числу ли двенадцати Апостолов или стольких же колен Израилевых само собою уравнивается число учеников Сергиевых?.. Прежде всех пришел к Преподобному некто *Василий*, быть может за свое строгое воздержание прозванный *Сухим*; пришел он с верховьев

реки Дубны, уже в преклонных летах, и, недолго пожив с Преподобным, отошел ко Господу. Другой ученик и сподвижник Сергия был простолюдин, земледelec *Иаков*, который между братией назывался уменьшенным именем *Якута*; он служил братии вроде рассыльного; впрочем, замечает преподобный Епифаний, его посылали в мир только по крайней нужде и потому нечасто. Сохранились еще имена двух учеников, пришедших к Преподобному в числе самых первых, – это *Онисим*, диакон, и Елисей – отец с сыном, земляки Сергиевы, из коих Онисим упоминается раньше в числе переселившихся с родителями Преподобного из Ростова в Радонеж. К числу первых же учеников Сергиевых должно отнести преподобных *Сильвестра* Обнорского, *Мефодия* Пешношского, *Андроника* и др.

Когда построено было двенадцать келий, Преподобный обнес их высоким деревянным тыном для безопасности от зверей и приставил вратарем Онисима, которого келия была у самого входа в обитель. Густой лес окружал обитель со всех сторон, вековые деревья стояли над самыми келиями, широко осеняя их и шумя своими вершинами, даже около церкви везде видны были пни и колоды, между которыми и засевались различные огородные овощи для убогой трапезы отшельников. Вот какой смиренный вид имела лавра Сергиева в первые годы своего существования!

Тихо и безмятежно протекала жизнь пустынников в новоустроенной обители. Не было в ней ни начальника, ни даже пресвитера, однако же строго соблюдался весь порядок повседневного Богослужения, исключая, конечно, литургию. День отшельников начинался с глубокой полуночи – во исполнение слов псалмопевца: седмерицею днем восхвалять Господа (Пс 118, 164); пустынные подвижники каждый день собирались в церковь на полунощницу, утреню, третий, шестой и девятый часы, на вечерню и повечерие, совершая между сими службами еще частые молебные пения. В рукописях, сохранившихся от того времени в библиотеке лаврской, находим каноны за творящих милостыню, за болящих, за умерших. Непрестанная молитва, по заповеди Апостола (1 Сол 5:17), была их постоянным правилом и в церкви, и в келии. А для совершения Божественной литургии в праздничные дни обыкновенно приглашали священника из ближайшего села или игумена, быть может того же старца Митрофана, который постригал самого Преподобного. Священнослужителя всегда встречали с радостью и с подобающею честью.

Год спустя после того, как собрались к преподобному братия, пришел к ним на жительство и упомянутый игумен Митрофан. Сергей очень рад был ему по нужде в иерее Божием; притом он надеялся, что старец сей не откажется принять на себя начальство над собравшимися пустынножителями, но недолго порадовался Сергей: пожив немного под кровом своего постриженника, Митрофан тяжело занемог и отошел ко Господу. И снова обитель осталась без совершителя Таин Божиих, потому что сам Преподобный, по своему глубокому смиренномудрию, не хотел принять на себя ни игуменства, ни сана священного. Подражая кроткому и смиренному сердцем Господу, он управлял только посредством своего примера и, точно по слову Христову, был первый тем, что был всем слуга (Мк 9:35). Три или четыре келии для братии он построил своими руками, сам рубил и колол дрова, носил их к келиям, молот в ручных жерновах, пек хлебы, варил пищу, кроил и шил одежду и обувь, носил на гору воду в двух водоносах и поставлял у келии каждого брата. Когда кто-нибудь из братий отходил ко Господу, угодник Божий своими руками омывал и приготавливал к погребению усопшего. Одним словом, он служил братии, по выражению блаженного Епифания, как купленный раб, всячески стараясь облегчить их трудную жизнь пустынную, хотя и приводил братию в немалое смущение таким глубоким смирением и трудолюбием.

Служа другим в течение дня, Сергей не имел и одного часа, свободного от труда и молитвы; питался он только хлебом и водой, и то малой мерой, а ночь почти всю проводил в келейной молитве, и где бы он ни был, что бы ни делал, всегда имел в уме и на устах слово псалмопевца: *«Предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подви-*

жуся» (Пс 15:8). И все сии многотрудные подвиги не только не ослабили его сил телесных, но и укрепляли их; преподобный Епифаний говорит, что в молодые годы свои угодник Божий был столь крепок телом, что «имел силу против двух человек», – это было следствием его трудолюбия и строгого воздержания, замечает при этом святитель Платон. Когда же Сергей ощущал брань вражью и стрелы разжженные, пускаемые рукой стреляющего во мраке в правых сердцем (Пс 10:2), он еще более усиливал свой пост и молитвенные подвиги. Так поработал духу тело свое смиренный подвижник, прилагая труды к трудам, так подвизался этот земной ангел, желавший паче всего соделаться гражданином горнего Иерусалима! А братия с любовью и благоговением взирали на своего возлюбленного авву и всеми силами старались подражать ему.

И трудно было пришедшему в первый раз посетителю различить, кто был старший из них и кто младший, кто начальник места сего и кто подчиненный, потому что, взирая на смиренного и кроткого Сергия, каждый старался смирять себя пред смиреннейшим. Все считали друг друга братьями, и никто из них не хотел быть старшим. Какой поучительный урок гордым сынам нашего суетного века, желающим весь мир переделать по своим безумным мечтам! Не путем безначалия, насилий и полной разнузданности страстей человеческих достигаются истинно братские отношения между людьми, а путем глубочайшего смирения, путем полного самоотречения в духе Евангельской любви, когда люди забывают о своих правах и во имя любви думают только о своих обязанностях да горько оплакивают немощи падшей природы своей...

Свободные от молитвы часы отшельники проводили в постоянных трудах. Молитва и труд, по учению Святых Отцев, неразлучны в жизни инока – и ученики Сергиевы трудились над возделыванием своих небольших огородов для своей скудной трапезы пустынной, заботились каждый о своей убогой келии, сами готовили себе пищу, шили себе одежды, переписывали книги и, можно думать, занимались даже иконописанием.

Двенадцатилетний постриженник

Разлучившись с Сергием, брат его Стефан, конечно, не прерывал с ним духовного общения и, живя в Москве, быть может, по временам навещал его в пустыне Радонежской. Может быть, иногда приводил он сюда и малютку сына, *Иоанна*, который в детстве жил в доме своего дяди, Петра, в Радонеже. Наслышав о богоугодной жизни своего святого дяди, двенадцатилетний Иоанн возгорелся желанием жить под его духовным водительством и однажды пришел к нему вместе с отцом. Держа отрока за руку, Стефан сам ввел его в пустынную церковь и, передавая его брату, к удивлению всей братии, заявил свое желание немедленно облечь его в ангельский образ... Не стал противоречить Сергей этому желанию старшего брата, который, подобно древнему Аврааму, отдавал Богу своего сына. И вот отрок Иоанн принимает пострижение, быть может от своего отца, и нарекается *Феодором*... Чистый душой и сердцем отрок беззаветно отдал себя Преподобному дяде, и скоро навыв всем добродетелям иноческим. В обители Сергиевой будущий архиепископ Ростовский прожил около двадцати двух лет; в это, конечно, время он научился здесь иконописанию и был одним из первых иноков-иконописцев Сергиевой лавры.

Глава VIII

Власть за послушание

Радуйся, образе истинного смирения...
Акаф. I. Ик 6

Радуйся, иноком наставниче предивный!
Акаф. I. Ик. 7

Радуйся, Духу Святому подклонивыйся со всяким смирением...
Акаф. I. Ик. 8

Нужда в игумене. «Черная смерть». Желания братии. Скорбь смирения Сергиева. Просьбы братии. Угроза любви. Братолюбие побеждает. Святитель Афанасий. «Ты не имеешь послушания». Сергей – иеродиакон, иеромонах и игумен. Святительское поучение

(1354)

Около двенадцати лет протекло со времени прихода к Преподобному Сергию его первых сподвижников, а игумена в новой обители все еще не было. Правда, в среде отшельников царило полное единодушие и братская любовь; каждый готов был, если бы оказалось нужным, пожертвовать самой жизнью, не говоря уже об удобствах, для сохранения мира и спокойствия остальных братий, и такое безначалие, конечно, было крепче всякого порядка, существующего в миру, тем более что одно слово любимого наставника могло прекратить всякое несогласие и побудить к подчинению уставам монашеским, но таков уж Самим Богом изначала установленный закон для обществ человеческих, чтобы во главе их непременно стояла власть, в послушании коей выражалось бы послушание людей Самому Богу – Творцу и Владыке всяческих. Правда, что Сергей на деле был истинным руководителем в духовной жизни своих учеников, но все же он не был еще и без сана священного не мог быть их духовным отцом в Таинстве покаяния, а эта должность в древних обителях нередко соединялась с должностью игумена, или настоятеля обители. Притом неудобно было каждый раз для Богослужения призывать соседнего священника; нельзя было не иметь в обители лица, облеченного священной властью вязать и решить согрешающих.

Особенно должна была сказаться нужда в священнослужителе в то время, когда над Русской землей разразилось тяжкое бедствие – моровая язва, известная в истории под именем «черной смерти», она появилась в пределах России около 1348 года и опустошала ее в продолжение нескольких лет, переходя из края в край, из города в город. Справедливо говорит один историк: «Ангел смерти никогда не губил вдруг столько людей с самого Ноева потопа, сколько погибло их с 1348 по 1350 и в следующие годы. Страх и ужас объял всех и каждого, уныние распространилось повсюду. Ничем нельзя было остановить грозного шествия “черной смерти”, не было от нее никакого спасения». В одном Китае легло в могилу до 13 миллионов народа; вымирали целые города, становились безлюдными целые области. «В Киеве, Чернигове, Смоленске и Суздале едва уцелела одна третья часть населения, в Глухове и Белозерске не осталось ни одного человека». Не успевали хоронить умерших: отпе-

вали по тридцати – по сорока человек зараз, клали по три, по пяти человек в один гроб... В короткое время умерли митрополит Феогност, два сына Великого Князя и сам Великий Князь Симеон Иванович...

В эту тяжкую годину многие православные русские люди шли в монастыри: под благодатным кровом святых обителей не так страшно было и умереть, как в среде мирской суеты; здесь каждый мог с мирной душой совершенно предать себя в волю Божию и приготовиться к смерти по-христиански. Можно ли сомневаться, что и к Преподобному Сергию, в его пустынную обитель, в это время особенно много приходило людей, искавших у сего благодатного инока-подвижника утешения в горестях жизни, в тяжелой потере близких сердцу, мирного приготовления к переходу в будущую жизнь? И мог ли он, любвеобильный отец, отвергать сих несчастных пришельцев? Но, принимая их, он должен был заботиться и об удовлетворении их духовных нужд, о напутствии приготавлиющихся к смерти таинствами Церкви. Так самые обстоятельства, а лучше сказать, Промысл Божий располагал эти обстоятельства к тому, чтобы в обители Сергиевой был свой совершитель Таин Божиих, а с умножением братии – и свой игумен...

Преподобный Сергей, по своему смирению, и слышать не хотел, чтобы ему принять эту должность, он всегда говорил, что «желание игуменства есть начало и корень властолюбия»; тем не менее и сам он сознавал нужду в духовном пастыре для своей обители. Одного боялся он: чтобы братия не стали настаивать на своем желании иметь его своим игуменом, и потому усердно молил Господа, чтобы Сам Он дал им наставника, который мог бы управить душевный корабль их от волн потопления к пристанищу спасения. И Господь, всегда готовый исполнить волю боящихся Его, услышал молитву Своего угодника и, поелику никто лучше самого просившего не мог послужить на сем месте к славе имени Его, благоволил его самого и дать игуменом братии. Вот как это было.

В сердцах братии уже давно сложилось желание поставить на игуменство своего возлюбленного авву, а при столь скорбных обстоятельствах, о коих мы сейчас упомянули, еще более усилилось это единодушное желание. «И в самом деле, – замечает святитель Платон, – на ком прежде всего могли они остановиться мыслию? Каждый, сравнивая свои подвиги с его подвигами и добродетелями, с его опытностью и заслугами пред Богом, и в мыслях стыдился присвоивать себе такое преимущество, чтобы затмить собою свет столь ясно горящего светильника». Сообщая свои чувства один другому, они решились наконец обратиться со своим желанием к Преподобному. Укрепив себя надеждой на Бога, братия пришли к нему все вместе и сказали: «Отче! Мы не можем долее жить без игумена, исполни наше сердечное желание – будь нам игуменом, будь наставником душ наших; мы будем каждый день приходить к тебе с покаянием и открывать пред тобой нашу совесть, а ты будешь подавать нам прощение, благословение и молитву. Мы желали бы видеть тебя совершающим ежедневно Божественную литургию и от твоих честных рук причащаться Святых Христовых Таин. Ей, честный отче, таково наше общее сердечное желание, не откажи нам в этой милости!»

Просьбы братии

Такое единодушное заявление всей братии, конечно, не было неожиданным для угодника Божия, тем не менее его глубокому смирению нелегко было выслушать это. «Не труда и подвига убегал он, – говорит святитель Платон, – а считал себя недостойным такого сана и рассуждал, что, будучи подначальным, он удобнее устроит дело своего спасения, нежели тогда, когда примет на себя нелегкое бремя попечения о спасении других». С другой стороны, он хорошо понимал, что его решительный отказ глубоко опечалит всю братию, столь горячо им любимую, и будет иметь скорбные последствия для самой обители. Поставленный в такое затруднительное положение, подвижник вздохнул из глубины сердечной и смиренно отвечал просящим: «Братие мои! У меня и помысла никогда не было об игуменстве; одного желает душа моя – умереть здесь простым чернцом. Не принуждайте же меня и вы, братия! Оставьте меня Богу – пусть Он что хочет, то и творит со мною».

Но братия настаивали на своем: «Зачем ты, отче, отказываешься исполнить наше общее желание? Ведь ты основатель обители сей – будь же ей и настоятель. Твоя добродетель собрала нас сюда – она же пусть и управляет нами. Ты насадил виноград сей – ты и питай нас своим учением и плодами примера твоего. Вот наше последнее слово: или сам будь нам игуменом, или, если не хочешь, иди испроси нам игумена у святителя; если же не так, то мы все разойдемся отсюда».

Мысль об ином игумене лично для смиренного Сергея, конечно, была приятна: он готов был сделаться последним послушником у кого бы то ни было, лишь бы самому не быть

начальником. Но любовь к ближнему требовала на этот раз забыть о себе и подумать о пользе братии, а духовный опыт указывал опасность, что новый, чуждый по духу обители игумен задумает вводить новые порядки, что эти порядки могут смутить братию, которая привыкла смотреть на порядки, установленные самим основателем пустынножительства, как на неизменный закон, а отсюда может возникнуть немало искушений и нестроений в юной обители. Посему, не решая вопроса окончательно, но желая по возможности отдалить это решение, Преподобный кротко сказал братии: «Идите пока с Богом каждый в свою келию; лучше помолимся все поусерднее Господу Богу, чтобы Он Сам открыл нам волю Свою, и тогда увидим, что нам делать». Братия послушалась любимого аввы и разошлись, но ненадолго. Прошло несколько дней, и старцы опять пришли к Преподобному и стали умолять его принять сан игумена. «Ведь ради тебя мы и сошлись-то сюда, в это место пустынное, – говорили они, – мы слышали о твоих подвигах, знаем труды твои, ведь ты своими руками построил и эту церковь во имя Живоначальной Троицы. И мы веруем, что в тебе обитает благодать Ее, и потому вот пришли сюда, возложив упование на Господа, и желаем совершенно предать себя твоему руководству. Итак, будь нашим игуменом и духовным отцом и, предстоя престолу Божию, возноси за нас свои теплые молитвы. Ведай, отче, – присовокупляли к сему старейшие из них, – мы шли сюда в надежде, что ты упокоишь нашу старость и похоронишь наши кости».

Тронутый до глубины души такой любовью братии, смиренный подвижник открыл пред ними все свое сердце: он стал говорить им о своем недостойнстве, всячески упрашивал и умолял не принуждать его к принятию священного сана и игуменства. «Простите меня, отцы мои и господие, – так говорил он, – кто я, грешный, чтобы быть мне иереем Божиим? Как дерзну я на такое служение, пред которым со страхом и трепетом преклоняются и самые Ангелы? Нет, это выше меры моей, отцы мои, я еще не начинал жить по-монашески – как же я осмелюсь коснуться святыни Божией? Вот мое дело – плакать о грехах моих, чтобы вашими же святыми молитвами достигнуть одного края желаний, к которому стремится от юности моя грешная душа».

Сказал сие Преподобный и, чтобы не продолжать более сего тяжкого для его смирения спора, ушел в свою келию...

Тогда сподвижники его поняли, что им не склонить его к своему желанию кротким словом сыновней любви, оставалось употребить средства более решительные. Уже не со слезами только, но и с горьким словом упрека и даже угрозы приступили они теперь к своему авве. «Мы не желаем спорить с тобой, отче честный, – сказали они, – мы веруем, что Сам Бог привел нас сюда; мы сердечно желали подражать твоему житию и подвигам и чрез то надеялись достигнуть вечного блаженства. Но если уже ты не хочешь пещись о душах наших и быть нашим пастырем, то мы все принуждены будем оставить это место, мы уйдем от храма Пресвятыя Троицы и будем невольными нарушителями нашего обета, будем блуждать, как овцы без пастыря, и расхитит нас мысленный волк, а ты дашь за нас ответ нелицеприятному Судии – Богу!»

Еще раз попытался было угодник Божий отклонить от себя высокую честь, еще раз сказал братии: «Отцы мои! Вы излишне понуждаете меня, я излишне отрицаюсь, – к чему это?» Но все было напрасно – братия стояли на своем, и братолюбие победило.

– Желаю, – сказал Преподобный, – лучше учиться, нежели учить, лучше повиноваться, нежели начальствовать, но боюсь суда Божия, не знаю, что угодно Богу; святая воля Господня да будет!

Это значило, что он более спорить не будет и предает все дело в волю Божию.

«Какая прекрасная распря! – замечает святитель Филарет Московский, – распря едва ли не превосходнейшая, нежели самое согласие. Здесь смирение старшего сражается с любовью и покорностью младших – единственная брань, в которой ни одна сторона не теряет, а

обе приобретают в каждом сражении! Как благополучны были бы общества, если бы члены их так же препирались между собою за сохранение подчиненности, а не за домогательство власти!»

«В мирских обществах, – говорит другой святитель, Филарет Черниговский, – люди сражаются друг с другом за власть, и через то производят расстройство в делах, расстройство в сердцах, и губят себя и других жаждой власти. А тут – все совершенно обратно: как благодетелен закон Твой, Господи!»

* * *

Побежден был смиренный Сергей любовью к братии, однако же не хотел выступить из обычного порядка, а может быть не терял еще надежды, что высшая церковная власть не соизволит на поставление его во игумены. «Отцы и братия, – сказал он сотрудникам своим в подвиге пустынном, – не хочу более прекословить вам, но не нам решать это дело – пусть решит его святитель; итак, пойдемте же к нему».

Московского первосвященника митрополита Алексия в то время не было в России: в 1354 году он путешествовал в Царьград по делам церковным, а управление делами митрополии на время своего отсутствия поручил Волынскому епископу Афанасию, который жил в Переяславле-Залесском, в Нагорном Борисоглебском монастыре. Туда и отправился Преподобный Сергей, взяв с собой двух старейших иноков.

Ранним утром, перед самой литургией, явился Преподобный к святителю. Он пал к ногам его и просил благословения. Епископ спросил его, кто он и откуда.

– Грешный инок Сергей мое имя, – смиренно отвечал пришедший.

Имя Сергия давно было известно Афанасию: он раньше много слышал о его пустынных подвигах, об основанной им обители и о постройке церкви и теперь очень рад был видеть у себя такого гостя. Он с любовью принял его, отечески поцеловал и долго беседовал с ним о спасении души.

В заключение сей беседы гость смиренно поклонился хозяину и стал просить у него игумена для новой обители.

«Сын и брат мой! – отвечал ему как бы по вдохновению свыше святитель Божий, – Господь Бог устами пророка Давида сказал: *«Вознесох избранного от людей Моих... ибо рука Моя заступит его»* (Пс 88:20, 22), и Апостол говорит: *«...никтоже сам себе приемлет честь, но званный от Бога, якоже и Аарон»* (Евр 5:4). А тебя воззвал Господь Бог от чрева матери твоей, как от многих слышал я о том, посему ты и будь отныне отцем и игуменом для братии, тобою же собранной в новой обители Живоначальной Троицы».

Подвижник стал было отклонять от себя это назначение, ссылаясь на свое недостойнство, но блаженный пастырь внушительно остановил его, сказав: «Возлюбленный! Ты все стяжал, а послушания не имеешь», – и сим словом обезоружил смиренного Сергия, который с покорностию на это отвечал: «Как Господу Богу угодно, так и пусть будет; благословен Господь вовеки!» И все присутствовавшие при этом единодушно сказали: «Аминь!»

Рукоположение Преподобного Сергия во иереи

Тогда святитель со всеми священнослужителями пошел в церковь, взяв с собой и Преподобного; там он облачился во все священные одежды, велел Сергию гласно произнести Символ веры и, осенив крестообразно его преклоненную голову, поставил его во иподиакона. Началась Божественная литургия, и Сергей произведен был во иеродиакона, а на другой день облечен и благодатию священства. Святитель распорядился, чтобы на следующий день новоблагодатный иеромонах Сергей один совершил Божественную литургию. Нужно ли говорить, с каким сердечным умилением впервые приносил Преподобный Сергей бескровную жертву собственными руками? Он весь исполнен был благоговейного страха и весь сиял неземной радостью...

По окончании литургии святитель Афанасий произнес над ним молитвы, совершающие его поставление во игумена. Затем он пригласил нового игумена в свои келии и там в отеческой с ним беседе наедине наставил его в правилах апостольских и святоотеческом учении о спасении души и руководстве подчиненных ему иноков. «Чадо, – говорил он, – вот ради святого послушания к нам восприял ты теперь сан священный; знай же, что сие служение дается только *верным человеком*, как говорит Апостол Христов, *иже довольни будут и иных научити* (2 Тим 2:2). Посему надлежит тебе, возлюбленный, по заповеди великого Апостола, *немощи немощных носить и не себе угождати* (Рим 15:1). Помни слово его: «Друг

друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов» (Гал 6:2). Если будешь так поступать, то и себя спасешь и живущих с тобою».

Так заключил свое поучение святитель и, благословив новопосвященного, отпустил его с миром. И пошел он, новый игумен, облеченный теперь свыше благодатию и властью иерейскою, в свою родную обитель, чтобы прилагать там труды к трудам и, восходя на небо по лестнице Христоподражательного смирения, вести туда же за собою и всех присных учеников своих...

Глава IX

Смиренный игумен

Радуйся, добрый стада своего иночествующих наставниче и правителю...

Акаф. 1. Ик. 9

Радуйся, желаемых благ пришедшим к тебе подателю...

Акаф. 1. Ик. 4

Радуйся, свещнице тричастный, светлейшими богословскими добродетельми светящий. Радуйся, светильниче двойственный, любовь к Богу и к ближнему горящий!

Акаф. 2. Ик. 11

Радость обители. Первое поучение братии. Смиренное прошение игумена. Труды игумена. Архимандрит-послушник. Умножение братии. Расширение обители. Сергей «яко един от древних». Свидетельство Преподобного Иосифа Волоколамского

(1354–1391)

С нетерпением ожидали братия своего первого игумена, – говорим «первого» потому, что почивший в Бозе игумен Митрофан был только случайным представителем власти, которым Преподобный Сергей только хотел оградить себя от необходимости начальствовать. С какой же радостью вышли они теперь навстречу своему новому начальнику, или, лучше сказать, своему давнему наставнику и любимому отцу! Со слезами сыновней любви поклонились они ему до земли. Радовался и святой игумен, смотря на радость любимых чад своих. Войдя во врата обители, он прошел во храм и там, весь в слезах, пал ниц пред святой иконой Живоначальной Троицы, прося благодатной помощи в предстоящем ему многотрудном служении. В пламенной молитве своей он призывал на помощь Пресвятую Владычицу Богородицу и бесплотных служителей у престола благодати – святых Ангелов и Архангелов, святого Предтечу Христова и мудрых апостолов; он вспомнил и великих Святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого и всех святых, дабы их молитвами укрепила его десница Вседержителя неосужденно, со дерзновением и несмущенным сердцем предстоять престолу Пресвятыя Троицы и касаться руками Агнца Божия, закланного за спасение мира.

Окончив молитву, он обратился к братии со словом поучения, убеждая их не ослабевать в подвигах ради Царства Небесного. «Царствие Божие, – говорил он между прочим, – с нуждою восприимлетсЯ, и только понуждающие себя восхищают оно (Мф 11:12). Подвизайтесь же, братие, войти в него узкими вратами! (Мф 7:13). *Приидите, чада, послушайте мене, по слову Давидову, я страху Господню научу вас* (Пс 33:12). Помните слова Апостола: *плод же духовный есть любы, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал 5:22–23). Подвиг немалый предстоит нам противу невидимого врага, ибо диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити (1 Пет 5:8). Не усташимся, други, этого подвига, чтобы страшного геенского мучения избежать; пусть сведены будут руки от трудов

– будем простирать их только к Богу, а ноги пусть неподвижно стоят на молитве!.. Не будем, братие, щадить естество тленное, со всем усердием возьмемся за подвиг, чтобы получить победные венцы от Христа Бога!»

После поучения святой игумен в первый раз благословил свою братию. При этом он поручал себя их молитвам, исповедуя свою немощь ввиду той тяжелой ответственности перед Богом, какую он принимал на себя, если бы кто подвергся соблазну по его вине. «Молитесь, братие, обо мне, – говорил смиренный игумен, – ибо я человек малосведущий и неопытный. Вот я принял от Царя Небесного талант и должен буду отдать в нем отчет. Страшит меня слово Господа: *...иже аще соблазнит единаго малых сих верующих в Мя, уне есть ему, да обеситя жернов оселский на выи его, и потонет в пучине морстей* (Мф 18:6). Какое же горе угрожает тому, кто своим неразумием погубит многие души! И буду ли я иметь дерзновение, представ пред Господа, сказать Ему: “*Се, аз и дети, яже ми даде Бог*”? (Ис 8:18). Услышу ли я сей Божественный глас великого Пастыря горних и дольних, с милосердием вещающего: “*...рабе благий и верный... вниди в радость Господа твоего*” (Мф 25:21)?».

Так вступил Преподобный в управление своей родной обителью. Поучая братию, он избегал многоглаголания; его речь обнаруживала глубокое знание Священного Писания, дух и смысл которого он постигал не умом только, но и сердцем, просвещаемый благодатию Божией и руководимый опытом духовной жизни. Оттого все его поучения, при своей простоте и краткости, были проникнуты особенною силою, дышали благодатным помазанием и властно действовали на сердца слушателей. В одной из рукописей XVII века, принадлежавших Новгородской Софийской библиотеке, а ныне находящихся в библиотеке С.-Петербургской духовной академии, есть такое поучение Преподобного Сергия: «Внимайте себе, братие, всех молю, прежде имейте страх Божий и чистоту душевную и любовь нелицемерную, к сим и страннлюбие, и смирение с покорением, пост и молитву. Пища и питье в меру, чести и славы не любите, паче же всего бойтесь и поминайте час смертный и второе пришествие».

Вот и все поучение. Действительно ли оно написано самим Преподобным Сергием или только записано его учениками, но от него, несомненно, веет духом Сергиева смирения, и потому мы читаем его, в несколько сокращенном виде, на многих древних иконах угодника Божия, написанным в свитке.

Блаженный Епифаний говорит, что Преподобный Сергей всегда имел пред духовным взором своим великие образцы ангелоподобной жизни таких светильников монашества, как великие Антоний и Евфимий, Савва Освященный и Пахомий, Феодосий Киновиарх и др. Поэтому в своих беседах с братией и в поучениях он любил вспоминать об их подвигах и всегда удивлялся, как они, будучи облечены плотью, побеждали врагов бесплотных и были страшны диаволу; сильные земли в удивлении склонялись пред ними, а они во смирении благодетельствовали людям – исцеляли больных, избавляли от бед на суше и на море, предстательствовали в час смертный, питали нищих, вдов и сирот, по слову Апостола: *ничтоже имуще, а вся содержаще* (2 Кор 6:10). Размышляя о сем, Преподобный усердно молил Бога, дабы сподобил его непреткновенно идти по стопам сих подвижников, и убеждал братию подражать их равноангельной жизни.

Игуменство Преподобного Сергия во многом напоминало игуменство преподобного Феодосия Печерского: та же строгость к себе и любовь к братии, та же неутомимость в трудах, бессонные ночи, обличение праздных, тихие, кроткие речи, растворенные слезами отеческой любви. В отношении к братии и в сане игумена он нисколько не переменился. По-прежнему он учил не столько словом, сколько своим примером. К великому утешению братии, каждый день совершал он Божественную литургию. Никакая усталость, никакие дела и заботы не могли помешать ему первым являться в церковь ко всякому Богослужению, и выходил он из церкви всегда последним. В продолжение всей службы Божией он стоял как свеча и отнюдь не позволял себе прислоняться к стене, «что знаменовало, по выражению

святителя Московского Филарета, мысль, в Богомыслии водруженную, и дух, непобеждаемый леностию тела». Сидения в церкви не допускал никогда. Памятуя слова Господа: ... *иже аще хочет в вас быти старей, да будет всем раб* (Мк 10:44), он и в сане игумена продолжал по-прежнему служить братии в домашних делах: он сам скатывал свечи, варил кутию, или коливо, которое в те времена было приносимо в церковь на память всех великих святых, особенно же просфоры всегда приготавливал сам, не допуская никого из братии участвовать в этом, хотя, конечно, многие и желали того; даже и пшеницу для сего молот сам. А потом приносил сии чистые труды благоговейных рук своих к алтарю Божию для бескровной жертвы Господу Богу.

Святой игумен носит воду для братии

В начале игуменства Преподобного Сергия, как мы уже говорили, число братий в его обители не превышало двенадцати. Так было до 1357 года, когда пришел к нему архимандрит Симон – первый принятый им сверх сего числа. С этого времени число братии стало возрастать. «Многие христороубы, имена коих записаны у Господа в книге жизни, – говорит блаженный Епифаний, – стали издалека приходить к Сергию, оставляя суету житейскую и преклоняя свои главы под благое иго Господне». Кажется, всего чаще приходили к нему земляки – ростовцы, кроме Елисея и Онисима, мы знаем Андроника и Афанасия, уроженцев ростовских.

Упомянутый выше архимандрит Симон был дивный муж, старейший из архимандритов области Смоленской, известный своими добродетелями и строгой жизнью. Слушая рассказы о подвигах Преподобного Сергия, он возгорелся ревностью по Боге, оставил свое настоятельство в Смоленске, оставил почет и уважение, коими пользовался там, оставил, наконец, родную сторону, расстался с друзьями и всеми близкими и с посохом простого странника пришел в пустыню Радонежскую. С глубоким смирением просил он Преподобного Сергия принять его в число своих послушников, и Преподобный с любовью и радостью принял смиренного архимандрита. Много лет провел усердный Симон в послушании у святого игумена; на его пожертвование был построен более просторный, но только деревянный, как первый, храм Живоначальной Троицы; украшенный всеми добродетелями подвижника пустыни, в глубокой старости преставился он к Богу, и Преподобный игумен с великой честью проводил его в могилу.

Святой игумен печет просфоры для братии

Мало-помалу расширялась обитель Сергиева и принимала вид вполне благоустроенного монастыря. Там, где прежде была непроходимая чаща, где некогда бродили страшные медведи и никогда не ступала нога человеческая, – там теперь расцвела пустынная обитель; ее келии, сначала разбросанные без порядка по дремучему лесу, мало-помалу были поставлены четверугольником вокруг церкви, которая, таким образом, стояла среди монастыря в своей скромной пустынной красоте и была видима из всех келий. И в этой церкви, и в этих

убогих на вид келиях не умолкало славословие Господу, и в тишине пустынной смиренные иноки неустанно трудились под опытным руководством своего святого игумена Сергия над очищением своего сердца от страстей, стараясь вовсе позабыть о том, что там, за пределами их заветной пустыни, есть другой мир, который шумит и волнуется, как море непостоянное, погружая людей в мутные волны житейской суеты... «Есть, – замечает преподобный писатель Жития Сергиева, – есть в древних книгах отеческих такое сказание: сошлись однажды святые отцы и повели между собой беседу о последних временах. В пророческом духе говорили они, что в последние времена люди будут слабы и не будет среди них таких великих подвижников, каковы были первые Отцы-пустынножители. Но вот Бог укрепил Преподобного Сергия и в последнем роде и явил в нем как бы одного из древних Отцев. Он водворился в глуши лесной, не страшась привидений диавольских, и за то Бог оградил обитель его полками ангельскими. Многие приходили к нему, чтобы спасти души свои под его мирным кровом, и никому он не отказывал – ни старому, ни юному, ни богатому, ни убогому; всех принимал он с радостью и с любовью, по слову Евангельскому: *Грядущаго ко Мне не изжгуну вон* (Ин 6:37), только не скоро постригал. Прикажет, бывало, одеть пришельца в длинную свитку из грубого черного сукна и велит ему проходить какое-нибудь послушание вместе с прочими братьями, пока тот не навькнет всему уставу монастырскому; потом облечет его в одежду монашескую», или, как ныне говорят, в рясофор, «и только после тщательного испытания пострижет уже в мантию и даст ему клобук. А когда видел, бывало, что который-либо инок стал опытен в духовном подвиге, такового удостоивал и святой схимы».

Преподобный Сергий мелет в жерновах

Одним из правил порядка, установленного Преподобным Сергием в своей обители, требовалось, чтобы после повечерия братия не ходили из келии в келию и не беседовали друг с другом, кроме крайней нужды, когда, например, нужно было побывать за чем-нибудь у самого игумена; каждый в своей келии должен был заниматься молитвой и рукоделием. Преподобный сам строго наблюдал за исполнением этого правила. Бывало, в глубокий вечер, особенно в долгие осенние и зимние ночи, заботливый игумен, совершив свою келейную

молитву, тихо обходит все келии и через малые волоковые оконца замечает, кто чем занимается. Если инок стоит на молитве, или занят своим рукоделием, пишет, читает святую книгу, или же погружен в размышление о грехах своих, – святой игумен радуется, благодарит за него Бога и молится, чтоб Господь подкрепил труженика в подвиге спасения. А если слышит он беседу непозволенную, то ударяет в дверь или в окно и удаляется. Наутро же призывает к себе празднословивших, кротко вступает с ними в разговор об обязанностях монашеских и, не обличая прямо, говоря будто о других, склоняет их к смиренному признанию в прегрешении; кроткий и послушливый инок тут же, бывало, сознается и со смирением просит и получает от своего аввы прощение, но случалось и то, что неразумный инок уклоняется от признания; тогда авва с кротостью и любовью обличает его, по слову псалмопевца: *«Накажет мя праведник милостию и обличит мя»* (Пс 140:5); если же и тут инок упорствует, Преподобный налагает на него какую-нибудь епитимию. Так любящий отец подавал руку помощи немощным чадам своим, так умел он совмещать кротость со строгостью, не послабляя нерадению и не подавая повода к унынию!

Нельзя без умиления читать страницы древнего жития, повествующие о том, как Сергей воспитывал своих иноков, с какой любовью, с каким терпением и знанием человеческого сердца он следил за теми, которые вверили себя его мудрому руководству. Можно сказать, что он глаз не спускал с каждого новичка, возводя его со степени на степень иноческого искуса, постепенно приучая его к самоотверженному труду, к строгому порядку в занятиях, помыслах, чувствах и подвигах. Богомудрый наставник терпеливо трудился над каждым отдельным братом, над отдельными особенностями каждого брата, приспособляя их к целям всего братства. По последующей самостоятельной деятельности учеников Преподобного Сергея видно, что под его воспитательным руководством ученики не обезличивались; напротив, каждый, постепенно очищая свое сердце от страстей, в то же время служил Богу теми свойствами своей души, какими его Бог наделил. Наблюдение и любовь к людям, собственный духовный опыт, а наипаче благодать Божия, обитавшая в его чистом сердце и преисполнявшая его тихою духовною радостью о Господе, дали ему умение и способность тихо и кротко настраивать душу человека и извлекать из нее, как из хорошего инструмента, лучшие ее чувства, умилая сердце речами благоуветливыми. «Слышахом, – писал о Преподобном Сергии другой преподобный, живший спустя только сто лет после него, Иосиф Волоколамский, – слышахом о блаженном Сергии и о прочих святых от неложных свидетелей, иже бяху в лета их, яко толику бодрость и тщание имеяху о пастве, яко нимало небрежение или преслушание презрети. Бяху бо милостиви, егда подобаше, и напрасни (строги), егда потреба бываше, и обличающе, и понуждающе ко благому согрешающих; непослушающих же не оставляху своим волям последовати, но всячески возбраняху, и от Церкви отлучаху». Таковы были порядки в пустыне Радонежской в первое время игуменства Сергиева. Число братства постепенно возрастало. «Добродетель, – говорит блаженный Епифаний, – так же творит явным стяжавшего ее, как зажженная свеча – носящего оную. И как оленей привлекают к себе источники вод, так и жаждущих спасения влекли к себе благодатные дарования души Сергиевой».

Глава X Пустынная нищета

Радуйся, оставивший имения и возлюбивый нищету Христову...
Акаф. 1. Ик. 8

*Радуйся, ленивых подвигнувый твоими
христоподражательными нравы...*
Акаф. 1. Ик. 12

*Радуйся, чудесных вод умолением наполнивый обители твоя
ограду, Радуйся, брашны неведомо принесенными алчной братии
сотворивый отраду...*
Акаф. 2. Ик. 12

**Строгие правила пустыни Сергиевой. Богослужение с
лучиной. Книги на бересте. Игумен-древодел. Дорогие
куски гнилого хлеба, снедаемого в поте лица. Ропот
братии. Отеческое увещание. Упование непосрамляющее.
Безвестные благотворители. Чудотворный источник.
Золото и мишура. Благоговейные думы святителя Филарета**

(1354–1372)

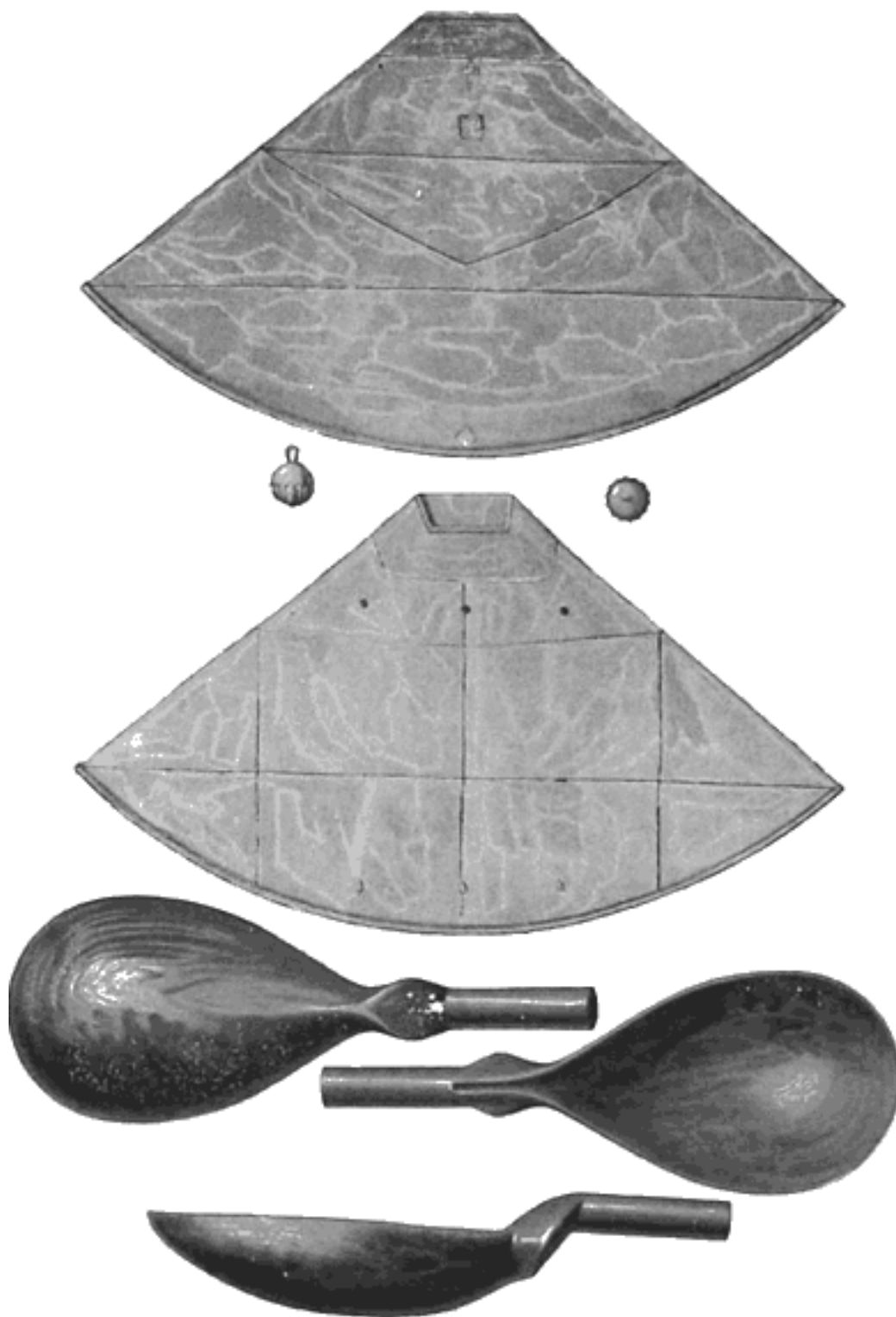
Апостол Павел, по его собственным словам, день и ночь работал своими руками, чтоб не жить на чужой счет и не быть никому в тягость, хотя, как благовестник спасения, и имел на то полное право (1 Сол 2:7–9). Такого же правила строго держались и святые подвижники Христовы; то же узаконил в своей обители и Преподобный отец наш Сергей. Он строго запрещал братии выходить из монастыря для собирания по селам и деревням подаяния от мирян на обитель; каждый инок должен был доставать сам для себя пропитание трудами рук своих, а в случае недостатка просить и с терпением ожидать милости от Бога. Так учил он и словом, и собственным примером. Понятно, что это было нелегкое правило даже и для такого монастыря, который находился недалеко от мирских селений и чаще посещался богомольцами, а обитель Преподобного Сергия в то время была в полном смысле слова пустыней. «На далекое расстояние, – рассказывает блаженный Епифаний, – ее окружали густые, непроходимые леса, изобиловавшие всякими дикими животными – от робкого зайца до кровожадного волка и страшного медведя». Даже полсотни лет спустя после того времени, о коем мы говорим, во время игуменства преподобного Никона, когда вокруг обители уже было немало мирских поселений, по лесным рекам в окрестностях лавры ловили бобров; что же было раньше, когда тут не было поблизости даже отдельных дворов и к обители едва можно было пробраться по узкой и прерывающейся тропинке? В такой глуши кто стал бы посещать пустынников и приносить им что-нибудь из жизненных припасов? С другой стороны, в обители не было тогда учреждено правильного общежития – пустынники имели общение друг с другом только в молитвенных собраниях церковных, остальное время дня и ночи каждый трудился для себя, в своей уединенной келии: ни общей трапезы, да и общих

послушаний еще не было. Неудивительно посему, что богатая благочестием пустыня Сергиева часто нуждалась в самом необходимом. Чего ни хватись – всего нет, как выражается блаженный писатель Жития Сергиева; нередко случалось, что ни у кого из братьев не было ни куска хлеба, ни горсти муки, даже не доставало соли, о масле же и других приправах нечего было и говорить. И много приходилось пустынноикам терпеть нужды при таких суровых порядках пустынного жития, но Сергей веровал Богу верой твердой, испытанной скорбями, и Бог исполнял по вере его; он уповал, и упование никогда не посрамляло его!

Лучина светит чтению и пению

Случалось, что не доставало вина для совершения литургии, пшеницы для просфор, фимиама для каждения, и тогда пустынноики терпели лишение Божественной литургии; не доставало воска для свеч, елей для лампад – они зажигали березовую или сосновую лучину, которая с треском и дымом светила их чтению и пению; и вот при таком-то освещении они отправляли утреннюю или всенощную службу, с трудом читая в полумраке каноны и Псалтирь. Нужно ли говорить, что такое служение было не менее приятно Богу, как и торжественная служба, совершаемая в величественных храмах при свете бесчисленных лампад и множества светильников, а сердца святых подвижников горели тише и яснее всяких свеч, и пламень их молитвы трепетал воздыханиями, из глубины сердечной восходившими к престолу Божию!

Фелонь и пуговка к ней принадлежащая и деревянная ложка Преподобного Сергия из Троице-Сергиевой лавры

По свидетельству преподобного Иосифа Волоколамского, в обители Сергиевой бывала такая нищета, такое нестяжание, что и самые книги иногда писались не на хартиях, а на берестех, потому что у пустынников не было средств достать пергамента. Самая святыня не блистала тогда золотом, и поныне благочестивые поклонники с благоговейным удивлением рассматривают хранимые в лаврской ризнице заветные памятники этой заветной нищеты – деревянные сосуды, употреблявшиеся Преподобным Сергием при совершении Божествен-

ной литургии, и простое крашенное его облачение... Сам Преподобный игумен всего менее заботился о насущном хлебе лично для себя, и потому нередко случалось, что недостаток в пропитании ему приходилось терпеть прежде всех. И он, постившийся еще в колыбели младенческой, с благодарным сердцем переносил всякое лишение, подавая собой пример всей братии. Так однажды у него не было ни хлеба, ни соли, и во всем монастыре ощущалась крайняя скудость в пище. Три дня провел смиренный игумен без пищи, а на рассвете четвертого взял топор и пошел к одному из братии, по имени Даниил.

Построение сени для Даниила

– Слышал я, старче, – сказал он своему сподвижнику, – ты хочешь пристроить сени к своей келии, позволь мне построить их для тебя, чтоб руки мои не были без дела.

– Правда, – отвечал ему Даниил, – мне очень бы хотелось построить их, у меня уже все и для работы давно заготовлено, и вот только поджидаю плотника из деревни. А тебе как поручить это дело? Пожалуй, запросишь с меня дорого.

– Эта работа не дорого тебе обойдется, – сказал ему Сергей, – мне вот хочется гнилого хлеба, а у тебя он есть; больше этого с тебя не потребую. Разве ты не знаешь, что я умею работать не хуже плотника? Зачем же тебе, старче, звать другого плотника помимо меня?

Тогда Даниил вынес ему решето с кусками гнилого хлеба, которого он сам не мог есть, и сказал: «Вот, если хочешь, возьми все, что тут есть, а больше не взыщи». «Хорошо, – сказал трудолюбивый игумен, – этого с избытком довольно для меня; побереги же до девятого часа: я не беру платы прежде работы».

Сказав сие, он крепко подтянул себя поясом и принялся усердно за работу. С раннего утра до позднего вечера, несмотря на голод, он пилил, тесал доски, долбил столбы и при помощи Божией окончил постройку. Солнце уже скрылось за дремучим лесом, когда старец Даниил снова вынес ему гнилые куски хлеба как условленную плату за труд целого дня.

Положив их перед собой, подвижник помолился, благословил их и начал есть с одной водой, даже и без соли. Это был его и обед и вместе ужин!

Некоторые из братии при этом заметили, что когда он вкушал в поте лица заработанный им хлеб, то из уст его исходила пыль от гнилости хлеба, и, конечно, немало дивились великому терпению своего игумена, который и такую дурную пищу не хотел принять без труда. Так строго держался он заповеди апостола Христова: *аще кто не хочет делати, ниже да яст* (2 Сол 3:10). А взирая на его пример, и братия укреплялись в подвиге терпения.

Но где люди, там и немощи. Нашлись такие, которые поголодали дня два и зароптали... Один из таких нетерпеливцев решился даже сказать от лица всех игумену: «Вот мы смотрели на тебя, все тебя слушались, а теперь приходится умирать с голоду, потому что ты запрещаешь нам выходить в мир просить милостыни. Потерпим еще сутки, а завтра все уйдем отсюда и больше не возвратимся: мы не в силах выносить такую скудость, такие гнилые хлебы!»

Преподобный игумен видел, что братией начинает овладевать дух уныния; нужно было подкрепить их малодушие. И вот он созвал к себе всех иноков и с обычной кротостью повел с ними такую беседу: «О чем скорбите вы, братие мои? Зачем так смущаетесь? Уповайте на Господа, ибо сказано: *воззрите на древния роды, и видите, кто верова Господеви и постыдеся?* Кто веровал слову Его – и обманулся? Или кто пребысть в страхе Его и оставися? Кого из призывающих Его Он не услышал? (Сир 2:10). «Не Я ли, – глаголет Господь, – не Я ли податель всякой пищи? Не Я ли извожу плоды от земли и наполняю ими житницы? Не Я ли кормитель всего мира, питатель всей вселенной, подающий пищу всякой плоти, отверзающий щедрую руку Свою во благо время, насыщающий всякое животное благоволением?» Братие мои! И во Святом Евангелии Господь сказал: *«Ищите же прежде Царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам... Воззрите на птицы небесныя, яко не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, и Отец ваш небесный питает их... не много ли паче вас, маловери»* (Мф 6:33, 26, 30). А мы разве напрасно и бездельно подвижаемся? Мы ожидаем получить за свои подвиги жизнь вечную. Люты скорби, но сладок рай, болезненны труды, но вечная за них награда! Не поленимся, братие! Потерпим хоть немного, чтобы получить нетленные венцы от Христа Бога, Который Сам говорит: *«В терпении вашем стяжите души ваша»* (Лк 21:19), ибо *претерпевый же до конца, той спасен будет»* (Мф 10:22). Вот, – продолжал угодник Божий, – вы скорбите из-за недостатка пищи, но ведь это случилось на краткое время, ради испытания веры нашей; ведь если вы перенесете это лишение как подобает инокам, с верой и благодарением, то это самое искушение вам же послужит на пользу. Благодать Божия ведь никому не дается без скорбей и искушений. «Без огня, – говорит святой Лествичник, – и золото не бывает чисто». А вот, даст Бог, минует скорбь – дождемся радости; ведь так обыкновенно бывает, что радость следует за скорбию: вечер, сказано, *водворится плачь и завтра радость* (Пс 29:6). Так и вы: сегодня терпите оскудение хлеба и недостаток всякой пищи, а завтра – Бог пошлет – вы будете наслаждаться в изобилии и ястием, и питием, и всем потребным. Я, грешный, верую, что Бог не оставит места сего и живущих в нем».

Так утешал скорбящую братию святой игумен, и Бог действительно чудесным образом оправдал веру его. Еще он беседовал с братией, как послышался сильный стук в монастырские ворота; привратник взглянул в окошечко и увидел: к воротам кто-то привез много хлеба. Будучи сам очень голоден, от радости он не отпер ворота и побежал к Преподобному.

– Отче, – говорил он, – привезли много хлебов, благослови принять! Вот, по твоим святым молитвам, они у ворот!

– Отвори им, пусть войдут, – сказал игумен.

Монастырские ворота отворились, и в них въехало несколько повозок, нагруженных печеным хлебом, рыбой и другими припасами для монашеской трапезы. Все прославили милосердие Божие, а Преподобный Сергей весело сказал: «Ну вот, теперь вы, алчущие, накормите кормильцев ваших, позовите их разделить с нами общую трапезу, угостите их и

успокойте как следует». И немедленно он приказал ударить в било и всем идти в церковь; тут он отслужил благодарственный молебен Господу Богу, милующему и питающему рабов Своих, и только после сего благословил братии садиться за трапезу. Все сели, и сам игумен стал оделять братию привезенными хлебами. Они были теплы и мягки, как будто только что испечены, и на вкус были необыкновенно приятны, будто печены были с маслом, с медом или с каким-либо благовонным зелием. Так некогда манна, сей хлеб ангельский, по выражению псалмопевца, имела для израильтян особенную сладость во вкусе. И Преподобному Сергию за его дивное терпение, взамен черствых корок гнилого хлеба, послал Бог эту чудную пищу, ибо, по слову Давида, *терпение убогих не погибнет до конца* (Пс 9:19).

Дары неведомых благотворителей

За трапезой святой игумен сказал: «Где же тот брат, который роптал на заплесневевшие хлебы? Пусть войдет сюда и отведаст, какую пищу послал нам Господь, пусть при этом вспомнит царя и пророка Давида, который *пепел яко хлеб* вкушал и *питие... с плачем* растворял (Пс 101:10)».

Потом Преподобный спросил: «А где же наши благодетели?» Но никто не мог ответить ему на этот вопрос, все только смотрели в недоумении друг на друга.

– Разве я не говорил вам, – сказал игумен, – чтобы вы пригласили их к трапезе? Почему же их нет?

– По слову твоему мы звали их, отче, – отвечали иноки, – мы даже спрашивали их, от кого все это прислано. Но они только сказали нам, что один христолюбец, человек богатый, прислал их издалека, чтобы передать тебе эти припасы, а от трапезы отказались и говорили, что им дано еще другое поручение, которое должны также немедленно исполнить, и потому спешат в дорогу.

Можно себе представить общее удивление, когда узнали, что хлебы привезены издалека, а между тем они были еще теплые, как только что вынутые из печи!

Преподобный игумен воспользовался сим случаем для назидания своей братии. «Видите сами теперь, – сказал он, – что Господь не оставляет места сего и рабов Своих, которые служат Ему здесь с верою день и ночь и терпят с благодарением всякое лишение. Помните же слово Апостола: «...имеюще же пищу и одеяние, сими довольни будем» (1 Тим 6:8). Зачем нам излишне заботиться о телесных потребностях? Лучше будем всегда уповать на Господа, Который пошлет все, что нужно и полезно и душе и телу нашему. Тот, Кто сорок лет питал в пустыне непокорных и неблагодарных израильтян, ниспосылая им манну с небес

и крастелей досыта, разве не силен пропитать и нас, Ему работающих? Или Его могущество и благодать истощились ныне, и Он перестал промышлять о Своих созданиях? Нет, братие! Как в древние времена, так и теперь Он один и тот же всеблагий Бог, всегда готовый подать нам все потребное для жизни нашей!»

Сильно подействовал этот урок на малодушных, и с того времени не было слышно ропота при случавшихся недостатках в чем-либо; а между тем, рассказывает блаженный Епифаний, к большому укреплению веры в Промысл Божий, и на другой и на третий день неведомые благодетели присылали в обитель обильную пищу для братии. Так Господь оправдывал упование Своего избранника на Его Божественное Промышление.

Не раз, впрочем, и в других случаях, когда сего требовало или назидание братии, или же вообще человеколюбие, вера Преподобного Сергия проявляла себя с той силой, какую присволяет ей Христос Спаситель, когда говорит: *«...вся елика аще воспросите в молитве, верующе, приимете»* (Мф 21:22). Был, например, такой случай, возбудивший сперва ропот, а потом обратившийся во славу Божию по молитвам угодника Божия. Когда Преподобный избирал себе место для пустынного безмолвия, он вовсе не заботился о том, чтобы иметь воду поблизости; трудолюбивому подвижнику даже было приятно носить ее издалека, дабы тем еще более утруждать свою плоть. Так было до семи лет по основании обители. Но с умножением братии недостаток воды становился все ощутительнее. Не раз братия жаловались ему, что приходится далеко ходить за водой, и некоторые, менее терпеливые, даже говорили ему с упреком: «Для чего на таком месте построил ты обитель?» На это Преподобный отвечал: «Я хотел здесь безмолвствовать один; Богу угодно было воздвигнуть здесь обитель во славу Его Пресвятого Имени; дерзайте в молитве и не унывайте, если Он в безводной пустыне дал воду из камня непокорному народу еврейскому, то неужели Он оставит вас, работающих Ему на сем месте день и ночь?» Раз после такого наставления братии он взял с собой одного инок и пошел с ним в лесной овраг под монастырем; тут он нашел немного дождевой воды, преклонил над ней колена и помолился так: «Боже, Отче Господа нашего Иисуса Христа, сотворивший небо и землю и все видимое и невидимое, создавший человека и не хотящий смерти грешника! Молим Тебя мы, грешные и недостойные рабы Твои, услыши нас в час сей и яви славу Твою! Как в пустыне чудодействовала крепкая десница Твоя, от камня воду источив, так и здесь яви силу Твою – даруй нам воду на месте сем, и да разумеют все, что Ты слушаешь боящихся Тебя и имени Твоему славу воссылающих – Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков, аминь!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.